708
П30

Петергоф

МАССОВАЯ БИБЛИОТЕКА РАБОЧЕГО ЭКСКУРСАНТ

ПОСЛЕДНИЕ РОМАНОВЫ

НИЖНЯЯ дача и вагоны

1932
ОГИЗ ИЗОГИЗ

А. ШЕМАНСКИЙ и С. ГЕЙЧЕНКО

ПОСЛЕДНИЕ РОМАНОВЫ

В ПЕТЕРГОФЕ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО НИЖНЕЙ ДАЧЕ
И ВАГОНАМ

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ
МОСКВА 1932 ЛЕНИНГРАД

Предисловие к четвертому изданию

Петергоф, как музей истории царизма, имеет то преимущество, что его памятники охватывают все двухсотлетие от начала XVIII века вплоть до 1914 года. Недостающее последнее звено в этой цепи (1914—1917 гг.) было в значительной мере восполнено получением в 1929 году от Народного Комиссариата Путей Сообщения двух вагонов бывш. царского поезда, в одном из которых было подписано отречение Николая II. В этих вагонах и в специально-построенном здании музей развернул выставку „Империалистическая война и падение царизма".

Настоящее издание брошюры, в отличие от предшествующих изданий, выходит за рамки Нижней дачи и в своей заключительной части является путеводителем по вагонам.

Боковыми линейками выделены те части текста, которые являются минимумом, необходимым для прочтения при осмотре музея.

12 февраля 1932 г.

Предисловие ко второму изданию

Настоящая брошюра выходит вторым, значительно дополненным изданием, оставаясь путеводителем, рассчитанным на массового посетителя. Одновременно она является некоторым отчетом о работе по превращению историко-бытового документа (дворца) в историко-революционный музей, работе 1927 года, не утратившей и до сих пор методологического интереса.

При составлении брошюры, как и при устройстве в музее тематической выставки, авторами использована обширная мемуарная литература, а также некоторые неизданные материалы, находящиеся в Центроархиве. Из последних наиболее значительны: 1) архив дворцового коменданта, составлявший часть архива б. министерства двора и 2) часть личного архива бывш. хозяев имения „Знаменка“ (б. в. кн. Петра Николаевича и его жены) для главы „Охрана“ был частично использован материал, любезно предоставленный т. А. К. Дрезеном из подготовленной им к печати книги „Эпоха реакции и флот“.

30 января 1930 г.

„Выполняется завет Ленина. Культурный отдых рабочему, вместе с тем школа исторической грамотности в городе-музее Петергофе.

Пример немцам. Германия социал-демократов, выплачивающая пенсии Гогенцоллернам, слушай!“

Ганс Фрике
германский рабочий

Петергоф, 22 июня 1930 г.

Из „Книги впечатлений“

НИЖНЯЯ ДАЧА

„Лишь тогда, когда „низы“ не хотят старого и когда „верхи“ не могут по-старому, лишь тогда революция может победить“.

ЛЕНИН

Изд. 3-ье, т. XXV, стр. 223.

Для того, чтобы понять все многообразие причин, обусловивших успех Октябрьской революции, недостаточно знать путь, приведший „низы“ к победе; следует изучать и путь „верхов“ к поражению, путь постепенного одряхления и вырождения государственного аппарата царской России. Знание истории самодержавия, истории того, как оно больше „не смогло по старому“,— это одна из предпосылок для правильной оценки русской революции.

В изучении прошлого наряду с книгой и лекцией несомненную большую помощь оказывают нам и историко-бытовые музеи. Вещи неизбежно отражают в себе и экономическое состояние, и политическую позицию, и мировоззрение людей, владеющих вещами. Эти своеобразные свидетели прошлого о многом „знают“ и многое могут рассказать, и притом часто интересней, чем книга и убедительней, чем лекция. Потому-то Октябрьская революция, беспощадно сметавшая все остатки дворянской и буржуазной России, сохранила часть царских дворцов и превратила их в музеи, в средства политического просвещения широких масс. В тех самых стенах, где жили представители дворянской власти и откуда они направляли борьбу с революцией,—там теперь рабочий класс, победивший на фронтах политическом и хозяйственном,

осуществляет задачи третьего—культурного фронта. Он учится понимать прошлое и на основе этого понимания сознательнее закладывает крепкий фундамент нового социалистического строя.

Чему же может научить петергофский дворец Николая II, составляющий предмет настоящей брошюры? Он свидетельствует о безысходном кризисе монархии, загнанной историей в тупик и доживавшей последние годы. На фоне серенького уюта и дешевой красивости мещанского быта развертывается картина судорожных цепляний царя за власть. В петергофской жизни Николая II наиболее знаменательны дни революции 1905—1907 гг.—„трех лет величайших, всенародных классовых битв". Этой эпохе отведено главное место в развернутой по дворцу выставке [1]. Вторая значительная тема—идеология самодержавия в последний период. Материал, привлеченный для иллюстрации этих тем, дает представление о предреволюционном состоянии царизма, о том политическом и идеологическом вооружении, с которым царизм выступал против революций 1905 и 1917 годов.

Нижний дворец был дачей Николая II на протяжении почти всего его царствования, от 1895 до 1914 года.

Каждый год последние Романовы проводили в Петергофе несколько летних месяцев и считали „Александрию" [2]

[1] Выставка превратила историко-бытовой памятник в музей. Не нарушая бытовой обстановки, она привлекла те разнообразные документальные материалы, которые помогают осмыслить царский быт на широком историческом фоне.

[2] Царское имение „Александрия", основанное рядом с Петергофом Николаем I в 20-х гг. XIX в. и названное так в честь его жены Александры, заключает в себе пейзажный парк и три небольших дворца: „Коттедж" Николая I, „Фермерский" Александра II и „Нижний" Николая II.

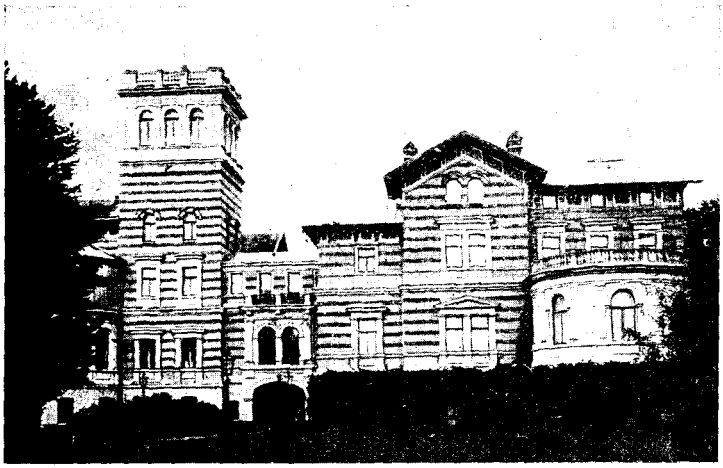
любимой резиденцией. Привлекала буржуазная „простота" петергофского жилища, вполне отвечавшая художественным и бытовым требованиям царской семьи. Но главная причина их любви к Петергофу — это территориальная изолированность „Александрии" и близость ее к морю и к яхте „Штандарт". Здесь искали домашнего уюта и размеренного буржуазного покоя. Но история не считается с желаниями царей: она врывалась в петергофскую жизнь Николая II событиями огромного политического значения и не позволяла ему замыкаться в скорлупе семейственности и играть комедию „частной" жизни.

В петергофском уединении Николаю II было бы о чем подумать. Несоответствие самодержавия экономическому и политическому развитию страны становилось с каждым годом все более отчетливым и грозным. Революционное движение 1905 и 1906 гг. захватывало и организовывало народные массы, завоевывало армию и даже наиболее преданные престолу гвардейские части. В Преображенском полку, вызванном в Петергоф для охраны царя, вспыхивает бунт. Орудия восставшего Кронштадта наведены на царский дворец. Революционная пропаганда проникает в ближайшую личную охрану и грозит царю взрывом его петергофского кабинета. Шкурный страх за жизнь и за престол, унаследованный Николаем II от отца и деда, достигает предельных размеров. Возникают усиленная охрана, заигрывание с гвардией, карательные экспедиции.

И в семейной жизни далеко не все было благополучно. Твердолобая политика защиты неограниченной власти, настойчивые стремления возместить убытки самодержавия 1905 года,—заставляли многочисленную родню опасаться за прочность монархического строя. Отсюда

проекты дворцового переворота, домашней революции, подкрепляемые неизлечимой болезнью наследника и жадностью родни к престолу, к этому „семейному пирогу".

Не видя вокруг себя опоры, Романовы обращаются за помощью к „божьим людям", мощам и иконам. Спиритические сеансы иностранных шарлатанов, пророчества российских юродивых и кликуш создают для Романовых видимость семейного и государственного благополучия, но не спасают их от быстро надвигающейся катастрофы. 1914 год, когда Романовы навсегда покинули Нижний дворец, был для них уже началом конца.



Общий вид Нижней дачи

Последний из петергофских дворцов, получивший название „Нижнего", был сооружен в конце прошлого века в северо-восточном углу парка „Александрия", на месте бывшей здесь раньше башни сигнального телеграфа. По заказу Александра III архитектор Томишко построил к 1885 году небольшое здание с высокой башней в подражание „итальянским" павильонам середины XIX века. Через десять лет тому же архитектору было поручено расширить постройку в соответствии с намерением Николая II иметь здесь летнюю резиденцию. В результате Петергоф был обогащен неуклюжим зданием, состоящим из двух соединенных галлереей половин. В своем окончательном виде этот дом оказался довольно типичным, но далеко не лучшим образцом буржуазного особняка, бесславно закончившим дворцовое строительство Петергофа.

Заслуживают внимания некоторые черты из биографии Томишко. Свое художественное и техническое образование он закончил заграничной командировкой и, по его собственным словам, сделал Вену центром своей поездки. Вена в ту эпоху задавала тон модного строительства, и там молодой архитектор изучал последние образцы буржуазной архитектуры. Мы знаем, что не только Нижний дворец, а и все предшествующее строительство Петергофа питалось из западно-европейских источников. Но если знаменитым зодчим XVIII века Леблону и Растрелли примером служили блестящие резиденции королевской Франции, если в николаевскую эпоху Менелас перенес на русскую почву комфорт и изысканность английского помещичьего дома, то деятельность Томишко определялась художественной волей иного общественного класса. Буржуазия победоносным развитием своей материальной культуры захватила не только царскую Россию, но и личный быт „самодержца".

Нижний дворец не единственное сооружение Томишко. Наряду с успешной карьерой по министерству двора, он состоял архитектором Главного тюремного управления и построил один из корпусов известной в истории революционного движения петербургской тюрьмы „Крестов". От этой убогой разносторонности последнего царского строителя веет зловещим анекдотом [1].

Начинаем осмотр дворца с бывш. камердинерской комнаты [2], где теперь расположены материалы, рассказывающие о покушениях на Николая II и об его личной охране.

---

[1] См. приложение I.

[2] В нижнем этаже были помещения дежурной прислуги; поврежденные наводнением 1924 года, они не сохранили бытового убранства.

„При предстоящей службе полка в Петергофе предписываю: осмотр сада производить ежедневно от 5 ч. 30 м. под наблюдением дежурного офицера; при осмотре руководствоваться инструкцией для осмотра".

Из приказа по сводному пехотному полку от 14 мая 1908 г.

„30 августа будет парад в моем присутствии и к этому дню Петергоф должен быть обезврежен. Невозможно дольше ждать с ликвидацией здешней „облавы", иначе случится новое покушение".

Николай II Столыпину
27 августа 1906 г.

Охрана Николая II

Царская охрана была знакома Петергофу еще в XVIII веке, но значительное развитие она получает только в XIX. Уже Николаю I в связи с ростом революционного движения приходилось подумать о более действительных мерах к собственной безопасности. Петергофских „обывателей" допускали в Александрию только раз в год и то, разумеется, по выбору.

Николай II не мог себе позволить даже и такой роскоши. Немедленно по его приезде Петергоф становился неприступной крепостью. Чтобы наглухо закупорить 100 десятин Александрии от враждебного мира, в Петергоф перебрасывался весь многочисленный и сложный аппарат царской охраны из многих сотен человек с дворцовым комендантом во главе. К нему сходились все нити оберегания „свя-

щенной особы"; в его распоряжении находилась целая армия из воинских и полицейских частей и широко-разветвленная система тайной агентуры. Наиболее верными частями считались сводный пехотный полк и „собственный" казачий конвой. Назначение в них не только сопровождалось выяснением политической благонадежности, но всегда подкреплялось классовым признаком: только кулацкие слои деревни служили надежным источником пополнения. Уход каждой смены в запас обставлялся церемонией с присутствием всего „августейшего" семейства и обязательной раздачей иконок и царских фотопортретов. Полицейские обязанности возлагали и на гвардейские полки, но с некоторых пор в их преданности начали сомневаться. Не вполне полагались и на местную петергофскую полицию и перевозили специальную дворцовую из одной резиденции в другую.

В особо важных случаях из столицы в Петергоф в помощь местной охране направляли жандармов и чинов полиции и охранного отделения, обыкновенно в количестве нескольких сот человек. Существовала определенная норма наград за несение полицейской службы: городовые и филеры получали по 3 серебряных рубля, околоточные по 2 золотых, а пристава по 75 рублей. За охранниками вообще всячески ухаживали и ублажали их наградами и пенсиями. Любопытно, что и Временное правительство недалеко ушло от этой практики: в апреле 1917 года оно было озабочено вопросом о „послеслужебном обеспечении служащих в полиции дворцовых городов".

На каждый год разрабатывались подробные инструкции и „обязанности" чинов охраны, соста-

влялись расписания и планы многочисленных постов, которые сплошным поясом охватывали Александрию. Ежегодно весной перед приездом царя происходил генеральный осмотр парка; цепь сводно-пехотинцев проползала через всю Александрию и тщательно осматривала и ощупывала каждое дерево и каждый куст. Такая же процедура в несколько меньшем масштабе происходила затем каждое утро. В обязанности охраны входило оберегание не только жизни, но и любой минуты царского спокойствия. Ночным часовым у Нижнего дворца строго наказывалось „на посту ходить как можно тише и не кашлять". Другой приказ рекомендовал „выставляя посты, предупреждать, чтобы они ходили возможно тише и не беспокоили бы ее величества скрипом песка под ногами" [1].

Особо была разработана охрана царя при его выездах за пределы Александрии. Это возлагалось на „гуляльщиков", солдат сводного полка. Они должны были „гулять" в определенном районе, осматривать кусты, обращать внимание на всех подозрительных и не позволять подавать царю прошений. Это последнее в силу боязни покушений вообще преследовалось и строго наказывалось, причем прозевавший охранник вместо награды получал нагоняй. Однажды царь проезжал в Петергофе мимо пожарной команды. Пожарный, не вызывая в охране никаких подозрений, поливал из брандспойта улицу. Но как только экипаж поровнялся с ним, он, бросив брандспойт и нечаянно взмахнув им, облил царя, подбежал к нему и полез в карман за прошением. Струхнувший Николай

[1] См. приложение II.

принужден был прошение принять, но незадачливый челобитчик немедленно после царского отъезда был схвачен и выслан за пределы дворцовых городов [1].

Прибрежное положение Александрии заставляло опасаться нападения с моря и еще в 1881 году установить район морской охраны. При Николае II этот район был значительно расширен и было увеличено количество охранных судов и их команд, которые набирались обычно из гвардейского экипажа. Особенно много хлопот приходилось на долю морской охраны при конвоировании выездов царя в шхеры. В сентябре 1906 года Николай писал: „С нами здесь „Украина" и „Финн", миноносцы: „Видный", „Резвый" и „Громящий", „Царевна", „Генерал-адмирал" и „Азия". Все они по ночам светят боевыми фонарями кругом яхты" [2].

Что касается секретной агентуры, то к ней между прочим привлекались служащие императорской охоты. На егерей и сторожей возлагалось наблюдение за проживающими в их районах лицами; они участвовали в охране царских выездов и должны были „всех неизвестных лиц, случившихся к моменту проезда на дороге, в дачных местах или деревнях, около калиток изб и в палисадниках таковых, удалять от пути проезда не меньше как на 100 шагов, группируя всех в одном месте и становясь лицом к ним". Это напоминает об охране путешествий царя, требовавшей десятков тысяч человек, которые вытягивались по всей железнодорожной линии.

[1] См. приложение III.
[2] См. витрину № 1.

Насколько царский путь был насыщен охраной, видно из того, что при путешествии в 1911 году из Петергофа в Киев только на первые 389 верст пришлось 4 135 рядовых [1].

Для действительного успеха всех этих мероприятий нужно было гарантировать политическую благонадежность обслуживающего и охраняющего царскую резиденцию персонала. Это и стояло в центре внимания дворцовой охранной агентуры, действовавшей вкупе с общегосударственным политическим розыском. О каждом кандидате управление дворцового коменданта собирало подробные сведения по месту его рождения и прежней жизни. Бывало, что кто-нибудь из дальней родни подозревался в причастности к революционному движению, или приходил неблагоприятный отзыв от сельского начальства, или наметавшему глаз охраннику не внушала доверия физиономия кандидата, — и его фотографическая карточка возвращалась без разрешительной на ней печати Охранного отделения.

Но от революционной „заразы" нельзя было оградиться никакими мерами. Она преодолевала все преграды, проникала даже в части охраны, особенно в среду моряков, и поражала начальство неприятными сюрпризами. То на яхте „Штандарт" оказался матрос — участник Потемкинского восстания, то на кораблях береговой охраны Александрии и на царских яхтах среди матросов обнаружены члены партий с.-р. и с.-д. То около Петергофа происходит сходка военной организации эс-эров и среди захва-

[1] См. витрину № 4.

ченных оказываются чины морской охраны. То начальнику охранной агентуры летит в шхеры шифрованная телеграмма о том, что под боком у царя „ на яхте Александрия неблагонадежный машинист Константин Садов"; а так как у него „неизвестно откуда и для чего очень крупная сумма денег", то мерещатся подкупы и покушения. Особенное обилие подобных неприятностей приходилось на годы 1906 и 1907. В 1907 г. происходит в шхерах крушение „Штандарта" и обстрел береговой охраной шлюпок с царской семьей. До сих пор нельзя утверждать, что все это было вызвано только случайностью, паникой и излишним усердием. В 1908 году два матроса должны были застрелить царя, когда он обходил строй. Все было предусмотрено, но в последний момент они растерялись и Николай случайно остался жив [1].

В годы 1905 — 1907 Николай жил в Петергофе особенно долго. Обыкновенно, приезжая в Петергоф в мае или в июне, он уже в августе — сентябре возвращался в Царское Село или ехал на осень в Крым. А в эти годы до октября и даже ноября незадачливый „хозяин земли русской" оказывался петергофским дачником поневоле. Особенно скверно ему пришлось в 1906 году, когда он писал Столыпину, что считает „свое невольное заключение в Александрии не только обидным, но прямо позорным", и грозил Столыпину и самому себе „вящим скандалом перед всем миром".

[1] См. витрину № 2.

Петергоф всегда находился в сфере внимания революционных партий. Военная организация социал-демократов вела в Петергофе успешную пропагандистскую работу. Отказ Преображенского полка от несения полицейской службы, волнения среди лейб-гвардии финляндцев, направлявшихся для усмирения Кронштадтского восстания,— все это первые успехи той массовой работы, которая впоследствии захватила всю армию и повернула ее против царского правительства. Эс-эры тоже не раз избирали Петергоф ареной своих террористических выступлений. Казнь генералов Мина и Козлова, длительная и настойчивая охота на Трепова — были тяжелыми ударами по охранной системе и доставляли лично Николаю много неприятностей. Он никогда не забывал о 1 марта 1881 года, об участи его деда Александра II и, испытывая панический страх перед бомбами, видел в террористах наиболее опасных революционеров.

Особенный переполох в правящих сферах вызвала раскрытая в 1907 году подготовка покушения на самого Николая. Боевая организация эс-эров в лице Зильберберга и Никитенко привлекла к этому делу Наумова, сына начальника дворцового телеграфа. Наумов еще летом 1906 года познакомился в Петергофе с казаком царской охраны Николаем Ратимовым и, казалось, убедил его на содействие покушению. Во главе дела стоял Борис Николаевич Никитенко, бывший лейтенант флота, добровольно сбросивший офицерский мундир. Вместе со студентом Синявским он выработал несколько проектов покушения в Царском Селе и Петергофе. Или одна из их соучастниц должна была встретить царя на прогулке под видом молочницы. Или специально поступивший в певческую капеллу Наумов должен был исполь-

зовать для покушения одно из придворных богослужений. Или, наконец, сам Никитенко под видом конвойца с царской корреспонденцией должен был проникнуть в комнату дежурного камердинера и бросить взрывчатый снаряд, „чтобы сам [1] полетел". Этот последний проект удобно было привести в исполнение в Петергофе: камердинерская комната Нижнего дворца, в которой теперь развернут отдел выставки „охрана и покушения", находится непосредственно под кабинетом царя; а успешно осуществить это можно было при помощи Ратимова, который обещал достать форму конвойца и обнадежил тем, что все казаки были более или менее на одно лицо и обыкновенно часовые почти не отличали их друг от друга.

Это предприятие кончилось, однако, полной неудачей. Все его участники были арестованы охранной агентурой по указаниям Ратимова. Провокатор получил в награду три тысячи рублей и отправился в досрочный отпуск. Но Ратимов был не единственной причиной неудачи. Азеф, в 1907 году еще возглавлявший боевую организацию эс-эров, вероятно, был также причастен к провалу.

16 августа 1907 года петербургский военно-окружный суд вынес приговор по делу о „приготовлении к посягательству на священную особу государя императора". Пятеро из подсудимых были сосланы на поселение, четверо в каторжные работы, а трое — Никитенко, Синявский и Наумов — осуждены к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение на Лисьем Носу под наблюдением подполковника Собещанского 21 августа 1907 года. Архив корпуса жандармов сохранил счет на расходы для повешения этих трех человек:

[1] То есть царь; выражение Синявского на суде.

извозчик, покупка веревок, колец и мешков, „всего на сумму 7 р. 55 коп".

Это дело долго держало царских охранников в паническом страхе. Так, в 1909 году стало известно, что под один из петергофских дворцов заложена „адская" машина и что в этом деле замешан дворцовый служащий, имевший фамилию с приставкой „фон". И неизвестно успокоило ли дворцового коменданта, что в Петергофе оказался только один служащий, носивший подобную фамилию, — полицейский пристав фон-Миллер. Однажды некий пассажир поезда Петербург — Петергоф позволил себе сказать, что „наш император Николай II — индюк". Для выяснения обстоятельств этого происшествия была поставлена на ноги вся охрана [1].

Нужно сказать, что несмотря на всю громоздкость и сложность царской охраны, она отставала в изобретательности от революционеров. Когда мы встречаем предписания особенно следить за лицами с узелками, за разносчиками и газетчиками, за извозчиками, которые отказываются наниматься, за лицами „одетыми в форменное платье, но дающими основание подозревать, что таковое им не присвоено", — то это предосторожности, явно вызванные обстановкой покушений на Плеве, Сипягина, вел. кн. Сергея. Некоторые „обожатели монарха" считали охрану недостаточной и один из них, статский советник Скуйе, наряду с предложением царю носить панцырь и каску, советовал не разрешать народу показываться на балконах во время „высочайших" проездов, обставлять переезды царя большей секретностью, а лучше вовсе не показываться народу. И хотя на письмах надоедливого

[1] См. витрину № 3.

советчика министр двора писал „оставить без последствий", но практика царской охраны во многом перещеголяла предложения полупомешанного генерала [1].

> Разумеется, и панцырь не был бы надежной защитой. Нужно помнить, что в период между 1902 и 1907 годами партией эс-эров широко применялся индивидуальный террор. Тогда для многих еще было неясно то, что хорошо сознавали большевики во главе с В. И. Лениным, — что не через индивидуальный террор, а через массовую стачку и вооруженное восстание лежал путь к ниспровержению царизма, к победе революции, что „прошли те времена, когда за неимением революционного народа революцию „делали" революционные одиночки — террористы. Бомба перестала быть оружием одиночки „бомбиста". Она становится необходимой принадлежностью народного вооружения" [2].

[1] См. приложение IV.

[2] Ленин, „Пятый год". ГИЗ, 1926, стр. 327.

Вестибюль

Достаточно попасть в вестибюль, чтобы убедиться в буржуазной внешности этого царского жилища. Ни отделкой, ни обстановкой парадный вход не отличается от большинства дворянских и купеческих особняков предреволюционного времени. Но чем больше захватывался царский быт общим потоком буржуазной моды, тем упорней цеплялся он за пережитки дворцового этикета, установленного в XVIII веке и отшлифованного за двести лет неисчислимым количеством церемоний. В этих стенах, украшенных фальшивым мрамором и обставленных рыночной мебелью, тщетно старались воскресить торжественную пышность былой жизни. В приемные часы здесь дежурил скороход, одетый в костюм XVIII века. Он обязан был провожать очередного докладчика из так называемой „ожидальни министров" в приемный кабинет царя.

Книги для записи „имевших счастье" представляться Николаю II в этом дворце напоминают о длинной веренице звездоносцев, проходивших здесь в ежедневном параде расшитых золотом мундиров. Но революция ломала этикет. 15 июля 1904 года здесь ждали и не дождались министра Плеве, взорванного по дороге в Петергоф бомбой Сазонова. „В лице доброго Плеве — гласит запись царского дневника за этот день, — я потерял друга и незаменимого министра внутренних дел". Да и как было не сокрушаться о смерти Плеве: его погромная политика, политика сыска и провокации на редкость совпадала со взглядами самого Николая. В октябре 1905 года особенно частым гостем этого дворца был Витте. В труд-

ную минуту беспримерной паники и растерянности верхов на „хитрого царедворца" возлагались единственные надежды. В эти „ужасные дни", вспоминал Николай, разговоры с ним „начинались утром и кончались вечером при темноте".

На одном из столов лежит книжка для регистрации телеграмм, отправлявшихся от самого царя. Случалось, что за день посылали до семидесяти телеграмм, большей частью по адресу подшефных полков. Трафаретные царские „спасибо" и „пью за здоровье" имели целью укрепить в армии верноподданнические настроения. А чтобы поддержать соответственное настроение, телеграфировали „Новому, Покровск Тобольский" (т. е. Распутину).

Поднявшись по парадной лестнице, начинаем осмотр дворца с приемных комнат. Первая из них — розовая гостиная.

„Ничто так меня не подбадривает, как посещение воинской части".
Николай II

Розовая гостиная

Внутренняя отделка и обстановка дворца была исполнена в стиле „модерн" мебельным фабрикантом Мельцером. Эта комната с белой мебелью, с бумажными розовыми обоями и с шаблонной лепкой потолка вполне соответствовала образцам модных гостиных из реклам тогдашних журналов.

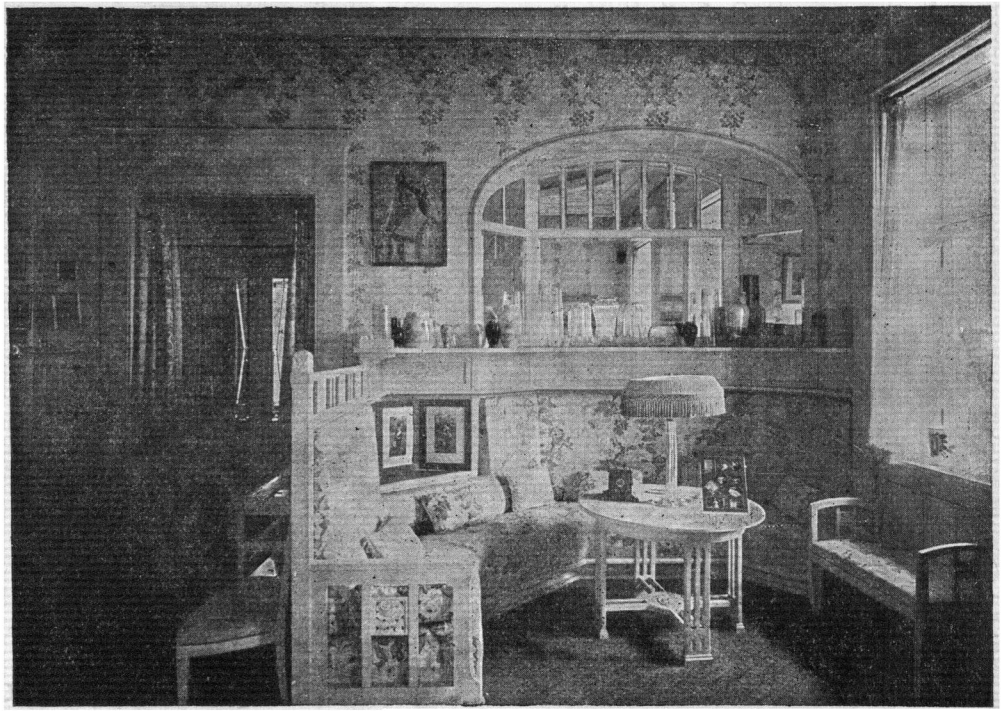
Кроме российского императора Мельцер имел среди своих заказчиков Елисеевых, Морозовых и многих других представителей русской буржуазии. Когда-то ходил анек-

дот, связанный с работами Мельцера для московского дома купца Морозова. Последний выразил желание иметь отделку „лучше, чем у царя“ и был без труда удовлетворен.

Вереница цветочных вазочек и расписных горшков, фотографий и веселеньких картинок—вот основной облик этой и всех следующих комнат, сложившийся при непосредственном участии хозяев. Из дневника Николая II мы узнаем, что он сам собирал вещи для петергофского дворца, распределял их по приезде и с особенным удовольствием развешивал картины и портреты.

На фоне нейтральных вещей, заполняющих эту гостиную Александры Федоровны, — выделяется ее портрет, по-любительски написанный капитаном лейб-гвардии преображенцев Шиповым. Нарочито подчеркнутая „царственность“ считалась, повидимому, главным достоинством портрета. Крупная подпись „Капитан Шипов“ роднит его до некоторой степени с небольшой коллекцией картинок на военные сюжеты. Среди них работы художника-баталиста Самокиша, пользовавшегося особенной благосклонностью. Его „верноподданнейше“ поднесенные акварели доставляли Романовым большое удовольствие; это или „Казаки“, вереницей тянущиеся степной дорогой, или „Кирасиры в походе“, или „Атака гусар“, акварель специально заказанная в память пребывания Николая в гусарских рядах, в память праздно проведенного времени и беспросыпного пьянства.

Три фотопортрета представляют бывшего наследника Алексея в форме армейского солдата, а акварель работы Самокиш-Судковской изображает его казаком-конвойцем. Эта художница памятна как иллюстрациями в салонных мало-художественных журналах, так еще больше плака-



Розовая гостиная

тами и картинками „для истинно-русских людей", издававшимися Союзом русского народа. Ее особенно любезно принимали во дворце и охотно заказывали ей картинки и портреты. Вообще Николай поддерживал с черносотенцами самое тесное общение и носил на мундире значок Союза, это отличие погромщиков и наемных убийц.

Преобладание военных сюжетов объясняется не только личной склонностью к ним Николая, воспитанного на классических образцах гвардейского шелопайства и разгула. Оно вскрывает и более серьезную причину: в армии Романовы видели верную защиту трона. Военщина захватывала быт всех членов царской семьи. Ежедневные смотры, парады и военные ученья считались лучшим средством удержать за собой армию.

„Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов".

Из манифеста 17 октября 1905 г.

„Арестованных не иметь и действовать беспощадно".

Из приказа по л.-гв. Семеновскому полку в Москве, 16 декабря 1905 г.

Кабинет Николая

Самая значительная комната дворца — это кабинет „повелителя" 150 миллионов, место ежедневного выполнения императорских „обязанностей" и обсуждения таких

Кабинет Николая II.

знаменитых документов, как манифест 17 октября 1905 года и манифест 1914 года о вступлении России в империалистическую войну.

Дубовая обшивка стен и обитая кожей мебель напоминают приемный кабинет финансового дельца конца XIX века. Но буржуазный стиль не мог быть выдержан до конца и был нарушен не только событиями, о которых помнят эти стены, но и в самой внешности кабинета содержанием картинного убранства. Наряду со слащавыми акварелями модного дамского живописца Соломко, неудачно пытавшегося воскресить и идеализировать „счастливую“ жизнь Романовых в XVIII веке, мы видим три знаменательные портрета. Император Петр, самодержавный облик которого не переставал быть недосягаемым образцом для всех последующих Романовых. Нико-

лай I, подкрепивший шатающееся самодержавие полицейско-бюрократическим аппаратом. Александр III, завещавший сыну „свято и незыблемо хранить заветы самодержавия". Идеология, заключенная в этой маленькой выставке портретов, определила личное поведение Николая II, но не определила истории его царствования. Первая катастрофа, подготовленная промышленным кризисом, разорением крестьянства и дальневосточным разгромом, разразилась в 1905 году [1].

Величайшее значение революции 1905 года заключалось в том, что она была „генеральной репетицией 1917 года", в том, что она „глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки", что благодаря ей „крепостная, медвежья, патриархальная, благочестивая и покорная Россия совлекла с себя ветхого Адама" [2].

Первым этапом революции было „кровавое воскресенье" 9 января, пробудившее колоссальные народные массы к политическому сознанию и к революционной борьбе. А „соединения пролетарской массовой стачки в городах с крестьянским движением в деревне было достаточно, чтобы поколебать самую „прочную" и последнюю опору царизма" [2] — армию. Получив в Петергофе известие о восстании на броненосце „Потемкин" Николай панически записал в своем дневнике — „Чорт знает, что происходит в черноморском флоте!" и утешал себя обещанием „крепко наказать начальников и жестоко мятежников".

---

[1] См. выставку.

[2] Ленин, „Пятый год". ГИЗ, 1926, стр. 682.

Чем выше поднималась волна рабоче-крестьянской революции, тем больше смелела буржуазно-помещечья оппозиция. 6 июня Николай „после докладов принял на ферме [1] 14 человек земских и городских деятелей с бывшего в Москве недавнего съезда". Делегация собиралась наговорить царю дерзостей, но в действительности приняла все условия аудиенции, поставленные ей министерством двора, и ограничилась поднесением Николаю вполне „приличного" адреса. Ленин тогда же дал оценку этой „оппозиции": — „Представители помещичьего землевладения и городского капитала обсуждали политические судьбы России" [2].Они „устраивают заговоры с министерством двора его полицейского величества, они конспирируют против народа вместе с шпионами" [3]. Но даже эти соглашатели показались Николаю опасными и через две недели он там же на ферме с большим удовольствием принял другую делегацию „с заявлениями от союза русских людей в противовес земским и городским деятелям".

Однако, заявлений черносотенцев было недостаточно, и попыткой царского правительства противопоставить революции „устойчивую стену консервативных крестьян" явился так называемый „булыгинский" (по имени тогдашнего министра внутренних дел Булыгина) проект Государственной Думы. Это была бы одна из тех реформ (или вернее одно из обещаний реформ, п. ч. нет сомнения, что царское правительство обмануло бы с осуществлением и этой до крайности куцой „конституции"), которые „преследуют исключительно одну цель: приостановить брожение народа, заставить революцион-

[1] Т. н. Фермерская дача Александра II в петергофской Александрии.

[2] Ленин, изд. 3-ье, т. VII, стр. 352.

[3] Ленин, изд. 3-ье. т. VII, стр. 355.

ный класс прекратить или по крайней мере ослабить борьбу" [1]. Секретные совещания, посвященные обсуждению этого проекта, происходили под председательством Николая II в Большом петергофском дворце в июле 1905 года. В заседаниях участвовали великие князья и высшая сановная бюрократия, „казенный" историк Павлов и даже крупный буржуазный историк Ключевский. Но и столь избранный состав не мог разрешить по существу безнадежной задачи. Желали дать России какое-то подобие конституции при непременном, однако, „сохранении незыблемости основных законов империи", как выразился Николай, открывая первое заседание. Присутствовавшие высказывались по желанию царя „откровенно, ясно и положительно". Сошлись не только на том, что „крестьян можно уподобить ценному балласту, который придаст устойчивость кораблю — Думе", но и на том, что „неграмотные мужики обладают более цельным миросозерцанием, нежели грамотные" и „проникнуты охранительным духом". Поэтому статья об обязательной грамотности члена Государственной Думы была устранена из проекта. В результате петергофских совещаний 6 августа было опубликовано положение о „булыгинской" Думе, об этом ублюдочном парламенте, имевшем не законодательные, а только совещательные права и до крайности ограниченный круг избирателей. Однако, выборы так и не состоялись. Революция развертывалась все шире и вопрос о конституции был разрешен не на петергофских совещаниях и не на банкетах либеральной буржуазии, а в кровавых боях октября — декабря 1905 года.

---

[1] Ленин, „Пятый год". ГИЗ, 1926, стр. 686.

Дачный сезон в этом году был для Николая решительно испорчен. Забастовка, захватив Балтийскую дорогу заперла царя в Петергофе. „Единственное сообщение с городом морем—как это удобно в такое время года",—с сокрушением писал Николай. В том же письме к матери, посланном из Петергофа 19 октября, он так рисует положение вещей: „Тошно стало читать агентские телеграммы, только и были сведения о забастовках в учебных заведениях, аптеках и проч., об убийствах городовых, казаков, солдат, о разных беспорядках, волнениях и возмущениях. А господа министры, как мокрые курицы, собирались и рассуждали о том, как сделать объединение всех министерств, вместо того, чтобы действовать решительно". Но и решительные действия Трепова не внесли настоящего успокоения. „Наступили грозные тихие дни, именно тихие, потому что на улицах был полный порядок, а каждый знал что готовится что-то"... [1].

У правительства было два выхода: военная диктатура без особых надежд на успех или конституция. Хитрая политика Витте сумела замаскировать диктатуру либеральными фразами и тем поддержать пошатнувшуюся монархию. После долгих колебаний Николай должен был, скрепя сердце, уступить соединенным настояниям Витте и ближайшей родни. 17 октября он записал в дневнике: „Годовщина крушения. Завтракали Николаша и Стана. Приезжал Витте. Подписал манифест в 5 часов. После такого дня голова сделалась тяжелой и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, спаси и умири Россию".

[1] Письмо Николая II от 19 октября.

Но „свободы", дарованные манифестом могли успокоить только буржуазию. Для рабочего класса 17-е октября ничего не изменило: борьба с самодержавием осталась в порядке дня. „Октябрьский манифест знаменовал не прекращение борьбы, а уравновешение сил борющихся; царизм *уже не* мог управлять, революция *еще* не могла его свергнуть". [1] А участие господа бога в умиротворении недовольных царской „милостью" выразились в напутственных молебнах карательным экспедициям генерала Орлова в Прибалтику и Мина с семеновцами в Москву.

Комедия с конституцией нужна была самодержавию для передышки, чтобы немедленно самым жестоким образом обрушиться на революцию и залить страну потоками крови. Сам „либеральный" автор октябрьских свобод (Витте) уже в декабре советовал царю „для подавления революции действовать беспощадным образом". Но это не помогло его карьере. Николай только в силу крайней необходимости терпел около себя людей, которые были умней его, а Витте к тому же был свидетелем его слабости. По недомыслию Николай свою безудержную ненависть к революции перенес на Витте и поклялся не поручать ему „самого маленького дела".

Одно Николай прекрасно понимал, что он смог расправиться с революцией только при помощи гвардии, при помощи „мужика, одетого в гвардейский мундир". Николай не забывал соображений „незаменимого" Трепова о том, чтобы войско всегда оставалось в руках царя: „оно должно быть сильным, преданным, сплоченным корпоративным духом; к достижению этого должны быть

[1] Ленин, изд. 3-ье, т. XV, стр. 17.

направлены ваши царственные заботы и заботы ближайших сотрудников ваших в этом деле первейшей государственной важности".

И „царственные заботы" окружали усмирителей. Семеновский полк, заливший рабочей кровью московские баррикады, летом следующего 1906 года был назначен в Петергоф для охраны царя. В благодарность за верную службу Николай устроил для семеновцев празднества, длившиеся три дня, с 16 по 18 июля. Угощение офицеров и солдат, прогулка с музыкой по Александрии с участием всей царской семьи и „милостивый разговор их величеств" с нижними чинами — должны были закрепить оборонительный и наступательный союз царя и гвардии против народа. Все это было запечатлено киносъемкой и фотографиями, собранными в особый альбом с надписью „счастливейшие дни в жизни семеновцев". Такой же прием был устроен в Александрии для л.-гв. финляндцев; причем на этот случай были составлены специальные стишки, пропетые финляндцами и розданные им на память.

Несмотря на всю многочисленность забот о гвардии и всю серьезность агитационной работы царизма в ее среде, не все гвардейские полки равнялись по Семеновскому. Революция развертывала широкую „борьбу за войско" и захватила своим влиянием даже гвардейские части.

В том же 1906 году в Петергофе находились для охраны царя преображенцы. Первый их батальон еще с давних пор, с XVIII века, вследствие крупной роли, которую он играл в эпоху дворцовых переворотов, пользовался особыми привилегиями. Именно в этом батальоне

числился в чине полковника Николай II и части было присвоено наименование „батальона его величества".

Еще в 1905 году преображенцы считались одним из самых верных полков. Спустя неделю после октябрьского манифеста они усмиряли первое Кронштадтское восстание. А меньше чем через год, в первом их батальоне вспыхнул бунт. Собравшись в петергофских казармах Уланского полка, солдаты предъявили начальству петицию, заключавшую требования возвращения в полк арестованных товарищей, освобождения полка от несения полицейской службы и наделения крестьян землей. Эта петиция вызвала у царя страх и бешенство. Многие лица из командного состава были отставлены за „попустительство", а все нижние чины батальона переведены в армейскую пехоту и сосланы в село Медведь, Новгородской губ., в дисциплинарный батальон.

Еще больше крови испортили Николаю II Свеаборгское и Кронштадтское восстания, вспыхнувшие в дни, когда он угощал семеновцев чаем и разговорами. Департаменту полиции, а следовательно и царю, стало известно, что „ораторы призывают войска с оружием в руках явиться в Петергоф и потребовать от государя императора выполнить все требования, выставленные Государственной Думой" и что „будет предложено кронштадтской военно-революционной организации атаковать резиденцию государя императора". Кронштадтское восстание было подавлено с обычной жестокостью, и грозным знамением для царизма были трупы расстрелянных матросов, принесенные волнами к петергофскому берегу, под окна Нижнего дворца.

В ответ на московское усмирение прозвучал выстрел Зинаиды Коноплянниковой на Ново-Петергофском вокзале. Командир семеновцев Мин был генералом „от усмирений": чин полковника он получил за расстрелы 9 января, а генерал-майора, назначение в свиту и „сердечную благодарность" царя за московскую экспедицию. Коноплянникова, член боевой дружины Северной области, казнила Мина по приговору партии эс-эров. Чаша царского терпения переполнилась, и в письме к матери из Петергофа Николай изливает жалобы и бессильную злобу:

„С тех пор, что ты уехала, мы сидели здесь почти запертые в Александрии, такой стыд и позор говорить об этом. После убийства бедного Мина, ободренные этим успехом для них, мерзавцы анархисты приехали в Петергоф, чтобы охотиться на меня, Николашу, Трепова, Орлова и толстого кн. Орлова. Вчера, к счастью, самых главных арестовали, что нужно было сделать, в виду парада сегодня утром. Но ты понимаешь мои чувства, милая мама, не иметь возможности ни ездить верхом, ни выезжать за ворота, куда бы то ни было. И это у себя дома, в спокойном всегда Петергофе. Я краснею писать тебе об этом и от стыда за нашу родину и от негодования, что такая вещь могла случиться у самого Петербурга.— Поэтому мы с такой радостью уходим завтра на „Штандарте" в море, хоть на несколько дней прочь от всего этого позора".

Для Николая II вся русская революция, весь этот стихийный взрыв народного гнева были только „угрозами и запугиванием кучки анархистов". Описывая погромную

вакханалию, организованную правительством после 17 октября по всем городам России и Сибири, он с удовлетворением отмечает, что „досталось и русским агитаторам, инженерам, адвокатам и всяким другим скверным людям". Обрушивая свой гнев на „анархистов" и демонстрируя свою ненависть к буржуазной интеллигенции, царь не забывает и своего главного врага — рабочий класс, более всего подвергавшийся гонениям, но уже политически окрепший в первой схватке с самодержавием и имевший свою большевистскую партию и своего великого вождя.

Московское восстание декабря 1905 г. было высшим подъемом первой революции и поворотным пунктом, за которым начался медленный спад революционной волны. Крестьянство оказалось недостаточно революционизированным, и правительству удалось удержать за собой основную массу армии. Несомненную помощь царизму оказал и западно-европейский капитал: французский заем 1906 года, вошедший в историю под именем „займа на подавление революции", помог царскому правительству оправиться от потрясений революции и неудачной войны [1].

Но и слабеющая волна революции продолжала угрожать самодержавию: только указ, подписанный в Петергофе 3 июня 1907 года, о разгоне второй Думы и об изменении избирательного закона, дававшего на выборах решительный перевес помещикам над крестьянами, явился и формальной отменой октябрьских „свобод", и знаменовал решительную победу правительства. Наступили годы жестокой

[1] О займе 1906 года см. на выставке „Царские долги и СССР" в Большом петергофском дворце-музее.

реакции. Напуганное революцией самодержавие в союзе с буржуазией занялось обеспечением себе базы в городе и в деревне — путем усиления нажима на пролетариат и путем аграрной реформы, рассчитанной на укрепление кулака. Но „генеральная репетиция" научила многому и рабочий класс. Захват власти путем вооруженного восстания и закрепление ее через Советы Рабочих Депутатов — вот тактика, проверенная пролетариатом на опыте 1905 г. и через двенадцать лет приведшая его под руководством большевиков к решительному и победному бою.

„Слава богу, что ты теперь на свободе на „Штандарте". Надеюсь, что ты останешься на нем как можно дольше".

Из семейных писем к Николаю II (1906 г.)

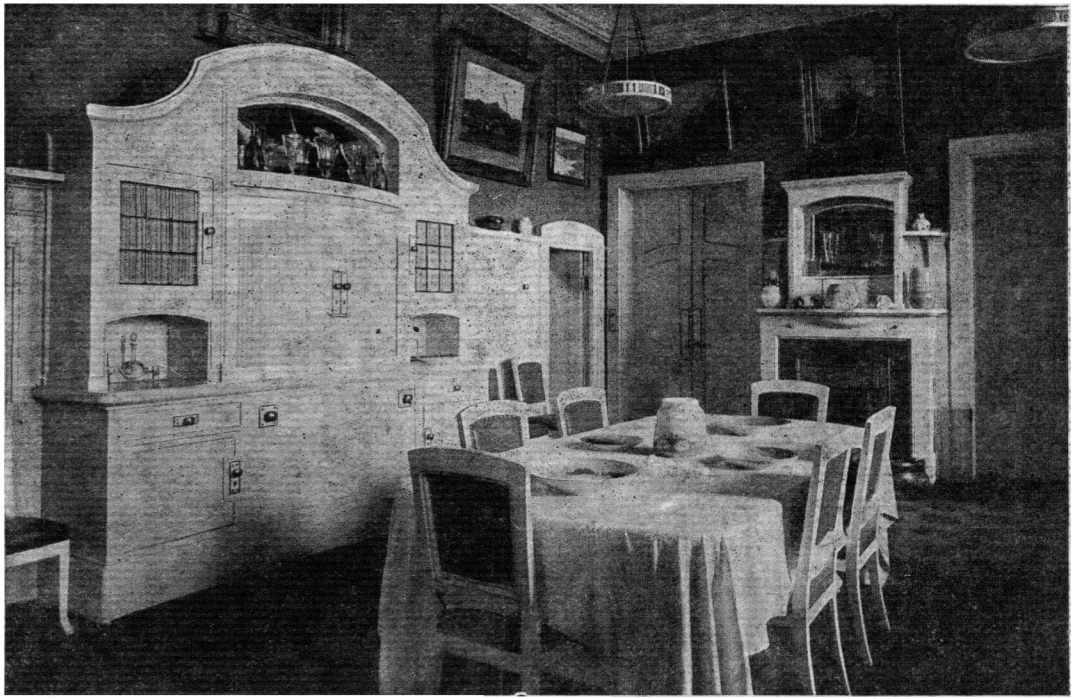
Столовая

Был неподдельный ужас в сознании Николая, когда в 1905 году министры и другие лица, допущенные представляться царю, „еле доехали до Петергофа". Когда забастовка докатилась до столицы и захватила Балтийскую жел. дорогу, пришлось установить морское сообщение с Петербургом, а миноносцы стояли с разведенными парами, готовые умчать царскую семью заграницу. Дворцовый комендант далеко не всегда мог заверить, что в Петергофе безопасно, что можно, например, выехать в открытом экипаже за пределы Александрии. Тогда

Николай вверял свое благополучие яхте „Штандарт", этой плавучей царской даче, дававшей максимум изолированности. Там, кроме команды „преданных матросов" и небольшого числа прислуги, никто не нарушал семейного благополучия. „Там у нас не будет никого и даже ненавистного Витте", с удовлетворением замечала Александра.

„Штандарт" входил в число царских резиденций и занимал среди них не последнее место. Сидя зимой в Царском Селе, о нем вспоминали с умилением и с „болью в сердце", а в Петергофе пожелали иметь постоянное и наглядное напоминание о любимой яхте. Этому желанию вполне отвечала своей отделкой и убранством столовая Нижнего дворца. Белые панели стен, такая же мебель, откидные полки и замаскированный буфетом лифт для подачи снизу кушаний, — все это напоминает каюткомпанию хорошего пассажирского парохода. Окна выходят только в сторону моря и сидящие за столом переживали иллюзию морского путешествия. Николай вообще часто любовался Финским заливом и однажды на официальном приеме мечтательно сказал своему собеседнику: „Вот взять бы всех революционеров да и утопить в заливе". И утопил бы, не сморгнув глазом, не дрогнув ни одной чертой лица, в котором некоторые „обожатели" монарха находили много „мягкости и доброты".

На стенах кроме акварелей, обычных приобретений „на память", и двух эскизов Репина „Бракосочетание Николая II и Алисы Гессенской" и „Запорожцы пишут письмо султану" — следует отметить картины, связанные с отделкой комнаты: акварель Прокофьева, изображаю-

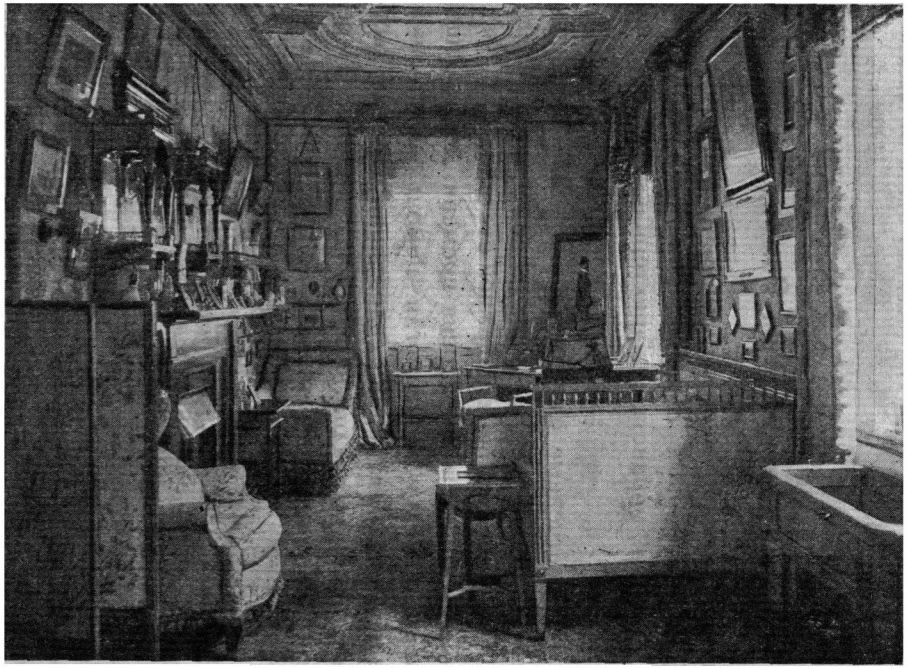


Столовая

щая яхту „Штандарт“ в плавании, портреты Николая II в адмиральском мундире и б. наследника Алексея в форме юнги „Штандарта“. Здесь же имеется один из бесчисленных морских пейзажей Ткаченко „художника морского министерства“, часто сопровождавшего Романовых в прогулках на „Штандарте“. Этому же художнику принадлежит большая картина, встречающая посетителей на парадной лестнице.

Жизнь на яхте (встречи и проводы, ежедневная чарка водки, танцевальные вечера и вылазки в шхеры) часто фотографировалась Романовыми для их домашнего кино. Любовь к „Штандарту“ постепенно приняла в их быту форму культа и представлена альбомами и фотографиями почти во всех комнатах дворца. Фотографии эти обычно вставлялись в рамочки в виде спасательных кругов с надписью „Штандарт“.

Ежегодно значительную часть своего официального пребывания в Петергофе Романовы проводили на „Штандарте“ в шхерах или в прогулках по заливу. Приведенные выше слова Николая об уходе с радостью в море „прочь от всего этого позора“ подтверждают, что поездки на яхте были не только прогулками на лоно природы. Эти частые, иногда даже вынужденные, царские экскурсии следует считать своеобразной эмиграцией от императорских обязанностей и неудач. И явно не случайно было предположение Временного правительства поселить Романовых в 1917 г. именно в Петергофе. Здесь всего удобней было „не досмотреть“ за их отъездом на „Штандарте“, но только уж не в финляндские шхеры, а в настоящую эмиграцию.



Кабинет Александры Романовой

„Ах, когда же наконец мы сможем жить спокойно, как все приличные люди".

Из семейных писем к Николаю II (1906 г.)

Кабинет Александры Романовой

выглядит еще менее официально, чем предыдущие комнаты. Здесь на первый план выступает не мельцеровская отделка, а убранство, характеризующее личный вкус хозяйки.

Посредственные или совсем бездарные картинки, пошлые литографии и дрянные безделушки свидетельствуют о самой безнадежной отсталости от среднего художественного уровня времени. Умирающей дворцовой культуре не могли помочь неограниченные средства (ежегодное содержание царских дворцов превышало двадцать миллионов рублей). [1] Перед нами — коронованные мещане, стопроцентные обыватели.

[1] Расходы министерства двора на Петергоф в 1916 году, несмотря на отсутствие Романовых, достигли 896 600 руб. А содержание всех учреждений этого министерства превышало годовой бюджет некоторых европейских государств, напр. Сербии.

Род Романовых так разросся за последние десятилетия, что для удовлетворения аппетитов всей великокняжеской оравы не стало хватать никаких „законных" миллионов, хотя еще в конце XIX века Романовы имели деньгами и недвижимым имуществом около двух миллиардов рублей. Управлению уделов приходилось задумываться о будущем и уже в 1900 г. составлять ориентировочные сметы на 25 лет вперед, проектируя прирост семейства, свадебные, похоронные и прочие расходы. Забыли только предусмотреть организацию пенсионной

Последние Романовы в 1896 г.

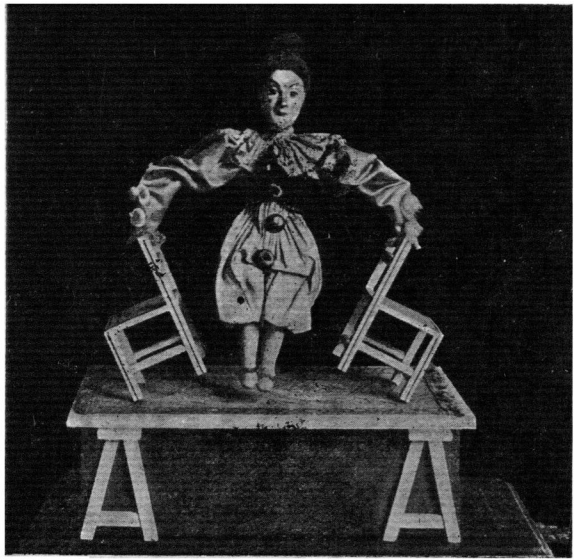
Николай II в роли Евгения Онегина

Мебель карельской березы размещена так, что делит эту тесную, сплошь загроможденную комнату пополам. Левая часть с камином и письменным столом в углу была собственно кабинетом, а правую можно считать будуаром. Среди многих акварелей, украшающих стены, выделяется серия видов Дармштадта, родины последней русской императрицы.

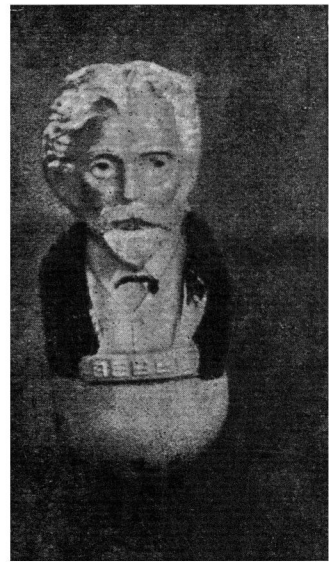
Там во дворце великого герцога Гессенского Алиса приобрела в результате наследственности и воспитания многие черты, чрезвычайно развившиеся позднее и определившие ее активную роль на русском престоле. Семейные привязанности ее отмечены кроме того большим фотографическим портретом ее отца, с буржуазной солидностью взирающего с мольберта за письменным столом на милый его сердцу серенький немецкий уют. Не менее интересен буржуазным благообразием парный портрет 1896 года Николая в штатском костюме с женой. Как курьез можно отметить фотографию, относящуюся еще к гатчинскому периоду жизни Николая II, когда он в домашнем театре выбирал для себя роль Евгения Онегина.

Особенного внимания заслуживает ряд изображений, подтверждающих пристрастие последних Романовых к эпохе „тишайшего" царя (Алексея Ми-

кассы для содержания заграничных претендентов на российский престол, еще до сих пор вымирающих и не устающих истерически кричать, что „на их личные деньги никто не имеет права". В круг романовской родни, имевшей свою долю в удельных капиталах, входили почти все европейские „фамилии" как уже отцарствовавшие, так и ныне еще продолжающие свое паразитическое существование. Этих последних русская революция лишила немалых субсидий, а мировая революция выбросит и их в мусорный ящик истории.



Музыкальный ящик, исполняющий марсельезу



Август Бебель в виде ваньки-встаньки

хайловича). Акварель Бенкендорфа представляет Николая II на фоне „первопрестольной" столицы в костюме сокольничьего времен царя Алексея. Александра Федоровна на картинке Бем одета в маскарадный костюм боярыни XVII века, а на акварелях Соломко, которые просятся на конфетные коробки, изображены бояре того же времени. Мало того, Николай устраивал грандиозные придворные балы, на которых он щеголял в наряде царя Алексея Михайловича, а его сановники в костюмах бояр. Этот исторический маскарад тешил Николая своей дорогой бутафорией и потребовал к концу царствования целого архитектурного сооружения — Федоровского городка, построенного в б. Царском Селе лучшими для своего времени художественными силами. Эта затея должна была стать своеобразной декорацией царского благополучия. Так Николай II в двадцатом веке мечтал о семнадцатом, когда по его мнению царили тишина и благоденствие, когда не было бунтов и революций.

Среди бесчисленных мелочей, заполняющих полки, столы и этажерки, достойны внимания некоторые памятные вещи. Из них самая любопытная — паяц на музыкальном ящике, исполняющем марсельезу. Этот подарок Николай II получил от матери, как своеобразное утешение от огорчений революции. Таково же, вероятно, происхождение портретной фигурки Августа Бебеля в виде ваньки-встаньки и другой фигурки-спичечницы, карикатуры на парламентского оратора. Далее — уланская каска Александры Федоровны, подношение подшефного ей гвардейского полка, оправдавшего доверие

шефа особенно беспощадным усмирением Прибалтийского восстания. И, наконец, стертая подкова, найденная при прогулке и принесенная „на счастье".

Из кабинета через столовую выходим на лестницу и поднимаемся в третий этаж. В числе находящихся здесь личных комнат наиболее интересна спальня, путь к которой проходит через ванную и туалетную.

Размеры и отделка ванной создают полное впечатление каюты. Любопытная черта — фотографии, украшающие стену даже над ванной. В убранстве личных комнат Романовых фотографии занимали большое место (в петергофском дворце их больше тысячи). Наряду с портретами детей мы видим Александру Романову среди офицеров уланского полка и выезд ее по Петергофу верхом в полной уланской форме. В туалетной комнате еще больше фотографий, исключительно семейных.

„Наша опора — бог и армия.
Из переписки Романовых.

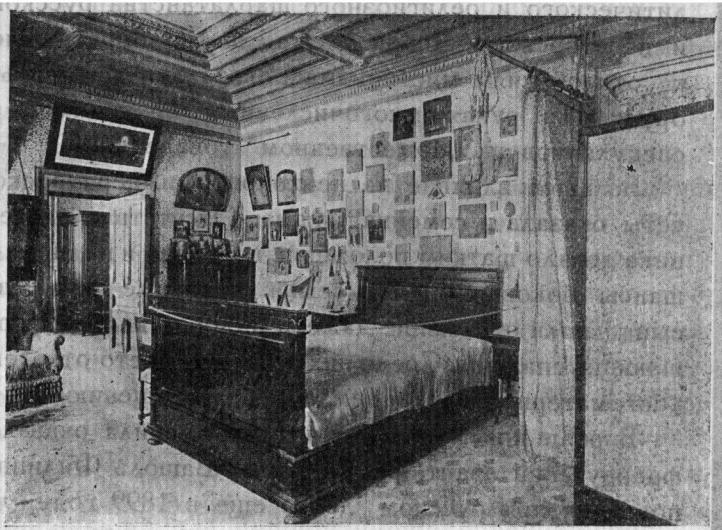
Спальня

Эта комната, как и предыдущая, отделана английским кретоном, белым с синими цветочками. Среди мебели красного дерева центральное место занимает двуспальная кровать, отгороженная ширмой и раздергиваю-

щейся занавесью. Стена над кроватью сплошь увешана иконами, поясками, четками и пасхальными яйцами. Уровень художественного вкуса Романовых сказался и в подборе икон. Почти все они — или кустарное монастырское производство на широкого богомольца, или хромолитографии издательства Фесенко и Сытина, которые печатали их в сотнях тысяч и продавали не дороже пятачка. Одна из икон, изображающая Верхотурских чудотворцев, — подарок Распутина с подписью карандашом на обороте „Григорей".

Небольшая душеспасительная библиотечка еще больше определяет духовные интересы хозяев. Среди книжонок, повествующих о „житии и прославлении" Сергия Радонежского, Анны Кашинской и Серафима Саровского, брошюра „Тайна горя и смут нашего времени" принадлежит перу Молоховец, известной не только поваренными книгами, но и стопроцентной черносотенной литературой. Религиозный характер выражен в убранстве всей комнаты: стены заняты фототипиями с немецких и английских картин на библейские темы. Единственное светское изображение — большой фотографический портрет генерала Орлова, командира лейб-гвардии улан и незабвенного друга императрицы. Его роль в усмирении Прибалтики создала ему репутацию защитника царского трона.

Обилие предметов религиозного значения (всего их здесь свыше 500) превращает спальню в домашнюю молельню и ставит вопрос об этой из ряда вон выходящей религиозности последних Романовых. Политический тупик и полная принципиальная растерянность лишили русский царизм к началу XX века последней опоры. Сами Рома-



Спальня

новы были вынуждены свои надежды возлагать только на армию и бога. Но армия не всегда эти надежды оправдывала, и оставалась только фикция „потусторонней" помощи. Так религиозное мракобесие служило истерическому цеплянию за неограниченную власть. Александр III оставил сыну неважный идеологический багаж—средневековое представление о божественном происхождении и незыблемости царской власти. Что касается Алисы, то сила обстоятельств определила и ее фанатическую приверженность к идеям азиатского деспотизма и изуверской церковности. И европейское воспитание, правда пропитанное затхлой атмосферой захолустного немецкого герцогства, и диплом доктора философии оказались бессильны в обстановке по-

литического и религиозного шарлатанства русского императорского двора. Эта пара, обратившись к „откровениям мистицизма", оказалась послушным орудием в руках многочисленных проходимцев и спекулянтов на „божественном" товаре.

Большое влияние на психологию императорской четы оказала и семейная драма. Отсутствие наследника делало шатким положение престола и поднимало шансы боковых линий семьи. Тщетные ожидания сына нашли отражение даже в подборе картин, украшающих спальню. Среди них почетное место отведено „богоматери с младенцем" и „благовещению".

В роли новейшего архангела Гавриила оказался французский авантюрист. Низьер-Вашоль Филипп [1] появился при русском дворе еще в 1899 году, через посредство великих князей добрался до императорского дворца и, несмотря на свою скандальную биографию, стал „новым и ученым другом" царя. Сын мясника из Лиона, последовательно менявший профессии мясника, биржевого спекулянта, спирита и гипнотизера, „доктора медицины" и царского советчика, он несколько раз привлекался к суду французским правительством за обман и шарлатанство. Расположение царя к Филиппу оказалось так велико, что когда начальник русской секретной полиции в Париже Рачковский осмелился представить сведения об уголовном прошлом Филиппа, то немедленно впал в немилость и был смещен [2].

[1] См. выставку.

[2] См. приложение V.

„Таким образом этот трудно заменимый человек лишился своего места; русские политические агитаторы в Париже остаются без на-

Главными покровительницами Филиппа были так называемые „черногорки", дочери черногорского короля Николая, Милица и Анастасия. Первая из них была замужем за в. кн. Петром Николаевичем, владельцем имения „Знаменка", расположенного в двух шагах от Александрии. Анастасия променяла герцога Лейхтенбергского на в. кн. Николая, еще задолго до брачного союза с „черногоркой" причастного к авантюре с Филиппом. Эта теплая компания из двух „Николаевичей" и двух „черногорок" (полуидиот Лейхтенбергский не в счет) долго и успешно наживала при помощи Филиппа политический и денежный капитал. Когда придворная карьера Филиппа окончилась, они же познакомили Романовых с Распутиным, но на сибирском старце сорвались и были безнадежно вычеркнуты из числа царских друзей. Но это произошло значительно позже, а пока самая тесная дружба связывала обитателей Александрии и Знаменки.

Филипп приезжал не реже двух раз в год, и царские с ним свидания происходили обыкновенно в Знаменке. Остальное время было заполнено почти ежедневными встречами, беседами о „святом" друге и совместными спиритическими сеансами. От этих занятий сохранился курьезный документ: рукопись под заглавием „Сообщения Тани", датированная 1899 годом. „Дух" Тани сообщал, что после неудачной попытки Христа спасти грешную землю, обновлением ее вре-

---

блюдения и все из-за интриг какого-то негодяя (Филиппа), которого между тем наградили патентом русского доктора медицины и чином действительного статского советника, т. е. пожалованием в русские дворяне".

Член Госуд. Совета А. Половцев „Дневник" 1902 г.

менно и без особых успехов „заведует" Николай-угодник, но что новый обновитель (Филипп?) уже явился. Его основная обязанность избавить землю от социализма, а в частности усмирить студентов-бунтовщиков [1]. Для выполнения этой последней задачи в „потустороннем" мире уже выработан план действий. Он сводится к необходимости переженить студентов и курсисток и тогда семейные заботы немедленно отвлекут их от политики.

Сношения царя с Филиппом обставлялись возможной секретностью и велись через посредство „черногорок", которые переписывались и с самим Филиппом и с его дочерью. Эта переписка заполнена нудными дамскими излияниями и шарлатанскими „изречениями" Филиппа. Но за всем этим выступает и политический смысл авантюры. Филипп просит подробно сообщить, что ему можно делать в Париже и чего нельзя, кого избегать, кому протежировать и за кем следить. Он утверждает, что нельзя давать конституции, „так как это будет гибельно для России". Он категорически требует отставки Рачковского, характеризует Витте, как министра, которого нельзя убрать только потому, что нет человека, могущего узнать все его тайны и способного его заменить. Филипп дает указания и в области внешней политики, особенно интересуясь возможностью войны с Германией и привле-

[1] Любопытно, что этот документ датирован именно 1899 годом, когда произошла всероссийская студенческая забастовка и были опубликованы знаменитые „временные правила", по которым участники студенческих „беспорядков" отдавались в солдаты.

чением Италии к русско-французскому союзу [1]. Многие советы Филиппа приводили к очевидным выгодам для родины его приятельниц. Министр финансов Витте не раз огорчался по поводу финансовых субсидий Черногории, а Филипп, нужно полагать, получал за участие в этом деле соответствующую материальную благодарность.

Первое время серьезным конкурентом Филиппа был тоже француз—Сент-Ив, изобретатель „археометра". Этот аппарат имел целью помогать в создании художественных произведений, в нахождении „истины" и в управлении государством. Сент-Ив скромно заявлял что „это создание рук не земных, а небесных, я же являюсь только их верующим секретарем". А чтобы заручиться высокопоставленной клиентурой обещал применить аппарат к „самому неотложному, каковым является нанесение удара сердцу революции, верхушке второстепенных и высших учений, избрав полем экспериментальных доказательств искусство, так как оно является жизнью науки". Агентом по распространению изобретения оказался доктор магических наук Папюс. Доставленные им экземпляры чудодейственного аппарата пускались в действие и в „Знаменке" и в Нижнем дворце, но очевидно мало помогли в управлении государством.

Филипп оказался находчивей и предложил „потустороннюю" помощь в деле рождения наследника престола. В письмах и телеграммах Филиппа то и дело встречаются советы и указания, касающиеся „рождения". За-

[1] См. приложение VI.

верения его однако не оправдывались: „дождь девочек" не прекращался. И наконец в 1902 г. разразился скандал с ложной беременностью, подорвавший карьеру Филиппа и причинивший ему большие неприятности. По его настояниям к императрице не допускали придворного медика, а об ожидании сына имели неосторожность публиковать. Когда прошли сроки и императрица не только не родила сына, но вообще никого не родила, вызванный лейб-акушер определил редкий случай неразвившейся беременности. „Правительственный Вестник" ложно сообщил о выкидыше, но неудача не излечила Романовых от веры в предсказания.

Что касается Филиппа, то он к тому времени был уже авансом награжден и деньгами, и чином действительного статского советника, и званием русского доктора медицины. Филиппу собственно хотелось иметь французский диплом и царь всячески старался ему угодить. Но специально созванный французский совет министров нашел невозможным удовлетворить просьбу царя, и только царская Военно-медицинская Академия по „высочайшему" удостоверению медицинских знаний Филиппа незамедлительно выдала требуемый диплом. Роль Филиппа после 1902 года не совсем ясна. Известно только, что переписка с ним продолжалась и в следующем году, и есть основания предполагать, что при рождении Алексея (1904 г.) Романовы высказывали благодарность Филиппу. Во всяком случае в 1903 году Филипп был уже не на первом плане.

Высшее духовенство и министерство внутренних дел давно были обеспокоены пристрастием царской семьи к заграничным „чудотворцам" и решили ис-

Филипп, шарлатан и авантюрист, в форме военного врача

пользовать все возможности для возвращения своего влияния на духовную жизнь Романовых. Сипягин без всякого успеха возил царскую чету прикладываться к московским святыням и молить их о сыне. Плеве действовал хитрей и удачней. В царской семье устно передавалось следующее

предсказание Серафима Саровского о Николае II: „В начале царствования сего монарха будут несчастия и беды народные. Будет война неудачная. Настанет смута внутри государства, отец подымется на сына и брат на брата. Но вторая половина правления будет светлая и жизнь государя долговременная". Только Плеве, идя навстречу желанию Романовых, сообразил „найти" в архиве департамента полиции документы, удостоверяющие это предсказание, и организовал в союзе с синодом прославление мощей Серафима [1]. Торжества 1903 г. принесли неисчислимые выгоды не только синоду и Плеве, но и самому царю. Николай укрепил единение с „верноподданными", тщательно отобранными и организованными полицией, и уверовал в новоявленного святого. Интересно, что в организации этого дела ближайшее участие принимала уже знакомая нам компания „черногорок". Вера Романовых в Саровского чудотворца была закреплена рождением сына ровно через год после усердных молитв и купанья в „чудодейственном" источнике. Вслед за этим при дворе появляется длинная вереница „божьих людей" отечественного происхождения: юродивых, кликуш, босоножек и старцев, из среды которых выдвинулся сибирский старец Григорий Распутин. Его непосредственным предшественником был „юродивый" Митя Козельский, позднее осужденный по процессу „чуриковцев" в 1929 году.

[1] Идея прославления саровского „чудотворца" родилась у Романовых еще в 1902 году и не без участия Филиппа.

С рождением Алексея трагедия престолонаследия принимает новые и еще более безысходные формы. Ребенок оказался поражен неизлечимой, наследственной в роду Гессенских, болезнью — гемофилией, от которой умерли дядя, брат и два племянника Александры. Наука бессильна бороться с этим видом кровоточивости. Безнадежная болезнь сына опять обращает взоры Романовых к сверхестественным силам. Единственный „действующий" способ лечения — заговор и заклинание. И первое, что определило превосходство Распутина среди прочей юродствующей братии, это было уменье успокоить больного ребенка и дать видимость улучшения в его здоровьи. Но тобольскому кудеснику предстояла еще более широкая дорога. Из книги, подаренной французским спиритом, Романовы твердо усвоили, что „та страна, государь которой направляется божьим человеком, не может погибнуть". И вакантное место „первого друга" Романовых — Филиппа занял Распутин.

Огромная политическая роль Григория Распутина уже предчувствовалась в деятельности Филиппа. Но авантюризм Филиппа был не больше, как ребячеством в сравнении с размахом распутинского влияния. Выдвинувшие Распутина представители сановного духовенства не смогли удержать его в подчинении. Те, кто имел неосторожность ссориться с ним, укрощались царским гневом и летели „на покой". К концу его деятельности, в эпоху империалистической войны, все нити управления страной сходились в руках этого некоронованного самодержца. Крупная финансовая буржуазия ни одного важного дела не решала без Распутина, а министерские посты и даже пост верховного главнокомандующего замещались по его указаниям.

Распутина, убитого в декабре 1916 г., уже никто не успел заменить. Романовы оказались перед лицом революции и не нашли защиты „ни в армии, ни в боге".

В следующей за спальней маленькой проходной комнате на кожаном диване иногда спала дежурная камер-юнгфера (старшая горничная). Электрические звонки связывали эту комнату с помещениями гувернантки и прислуги.

Над диваном висят несколько деревянных блюд с надписью „хлеб-соль" из огромной коллекции, собранной по всей России при путешествиях царя и размещенной во дворцах Николая II.

Обстановка и порядок этих „высочайших" экскурсий, заведенные еще при Александре III, казалось бы не слишком располагали к единению с народом. По всей железнодорожной линии выстраивались тысячи солдат, спиной к царскому поезду, штыками к „верноподданной" России, никого не подпускавшие к „обожаемому монарху" на ружейный выстрел. На остановках усердно проверенные полицией по признаку благонадежности „народные представители" своим благообразным и преданным видом и традиционным подношением „хлеба-соли" утешали царево сердце. Эти блюда развешивались во дворцах, как доказательство народной любви, как своеобразная „агитация для себя".

Направо за шнуром остается маленькая гостиная, так называемая к о ф е й н а я. И в отделке и в убранстве ее мы видим продолжение уже пройденных комнат. Она

была местом семейных собраний, где Николай читал вслух „Историю кавалергардов", где в свободное от докладов время он „наклеивал фотографии в альбом". В противовес нудному присутствию в кабинете за исполнением „казенных" дел, здесь ничто не нарушало обывательского благодушия. Становится понятным поразительное однообразие записей дневника. Из года в год по приезде в Петергоф „спали часок", „был молебен", „обедали вдвоем" и если не „заваливались спать рано", то „засиживались за чаем".

В октябрьские дни 1905 года, во время поездки Витте в Петергоф к царю, ген.-ад. гр. Бенкендорф выражал сожаление, что *„у их величеств пятеро детей, так как если на днях придется покинуть Петергоф на корабле, чтобы искать пристанища за границей, то дети будут служить большим препятствием"*.

Детские комнаты [1]

Детская половина, а особенно комнаты дочерей производили еще менее „дворцовое" впечатление. Простенькая обивка, заурядная мебель и грошевые картинки напоминали чиновничью квартирку или второразрядную гостиницу. Царские дочери, народившиеся в таком изо-

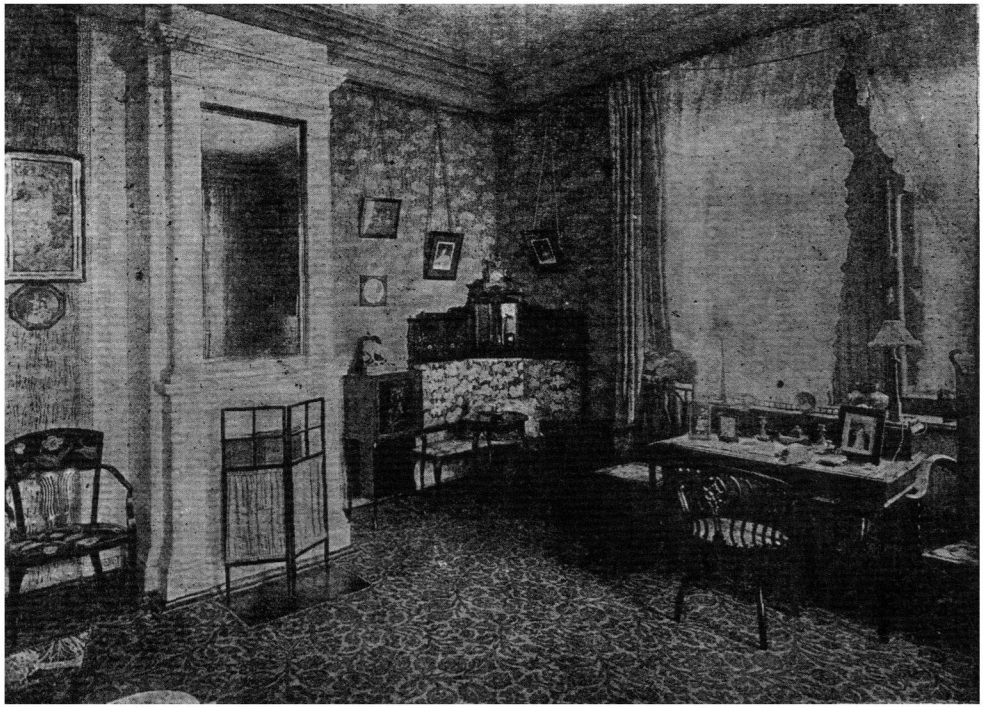
---

[1] В настоящее время заняты выставкой „Война и техника", организованной Ленинградским Артиллерийским Историческим музеем.

билии и, вероятно, вызывавшие у родителей невольную досаду при мысли о необходимости наследника, не удостаивались лучшего. Тем более, что и характер их воспитания и пример родителей замыкались в узком кругу „августейшего" мещанства.

Комнаты их были на редкость безличны. Почти повторяя одна другую, следовали спальни Марии, Татьяны и Ольги (самая младшая Анастасия не имела отдельной комнаты и помещалась вместе с гувернанткой этажем выше). Достойна внимания одна особенность: чем старше была дочь, тем больше икон висело у нее над кроватью и тем, следовательно, ближе было сходство с „иконостасом" родительской спальни. В комнате старшей из них Ольги — среди икон встречались иконы с надписями Анны Вырубовой и епископа Варнавы, тобольского приятеля Распутина. А наряду с этим стены были украшены легкомысленными картинками с изображением оголенных красавиц в стиле безвкусных мелкобуржуазных журналов того времени. Принадлежавшие Ольге шефские ленты свидетельствовали о том, что и дочери способствовали поддержанию в армии популярности царской семьи, и каждая из них была шефом нескольких полков. Но это был не единственный способ политического „служения" царских дочерей. Альбомы фотографий с надписью „Констанца" напоминают о поездке в Румынию в июне 1914 года и о несостоявшемся сватовстве Ольги за румынского принца Карла [1]. Этот дипломатический брак, в устройстве которого принимало горячее участие министерство иностранных дел, имел целью подкрепить родством предполагавшийся союз с Румынией.

[1] В 1930 году стал королем в результате фашистского переворота.



Гостиная б. царских дочерей

В гостиной дочерей — мебель под красное дерево стиля „модерн" являлась образцом массовой фабрикации гарнитурчиков, которые до революции можно было видеть в приемной модного зубного врача или не лишенного „художественных" претензий адвоката. Основное в этом стиле — внешняя приятность и беспокойная разнородность. Сколько предметов — столько форм, при нарочитой пестроте обивки. Особенно характерен угловой диванчик с зеркалом, любимое место для фотографирования всей семьей. Ралле, фирма парфюмерных изделий, выпускавшая в свое время модные „духи, пудру, мыло и одеколон", в качестве премии выдавала фототипию „Нильская лилия". И подобная картинка вместе с рекламами мыла Брокар и шоколада Сиу и К° — нашла себе место в украшении гостиной царских дочерей.

Комнаты Алексея, занимавшие весь нижний этаж детской половины дворца, высокие и с большими окнами, целый день дающими солнечный свет, — выгодно отличались от комнат его сестер и показывали чрезвычайные заботы о единственном сыне и наследнике.

Хроническое горе царской семьи — отсутствие наследника — наконец было изжито. 30 июля 1904 г. Николай записал в дневнике: „У Аликс родился сын в $1^1/_4$ ч. и наречен при молитве Алексеем". После молебна Николай отправил массу телеграмм, а в письме к Милице сообщил не только о благополучно кончившихся родах, но и о том, что ребенок потерял от $^1/_8$ до $^1/_9$ всего количества крови. Крещение Алексея происходило в Большом петергофском дворце при исключительной торжественности, с колокольным звоном всех церквей и салютом в 301 выстрел. По поводу рождения наследника был дан специальный манифест с царскими „милостями",

с отменой телесных наказаний и с прощением крестьянам и без того безнадежных недоимок.

От сразу определившейся болезни не спасли никакие торжества. Не только социальным, но и физическим вырождением отметила Романовых карающая рука истории. Авантюрист „доктор тибетской медицины" Бадмаев писал лейб-медику Боткину: „Ужас меня объял, когда я прочитал бюллетень о состоянии здоровья государя наследника... Европа не знает никаких средств против этой болезни"... Однажды во время перевязки, которую доктора делали Алексею со всеми предосторожностями, они с удивлением нашли под подушкой жилетку. „Так надо,—пролепетал Николай—это жилет Григория Ефимовича". Но ни тибетские снадобья, ни жилетка Распутина не могли предотвратить процесса болезни. И безнадежностью звучали слова профессора Федорова: „Наука говорит, что эта болезнь неизлечима. Здоровье его всегда будет зависеть от всякой случайности".

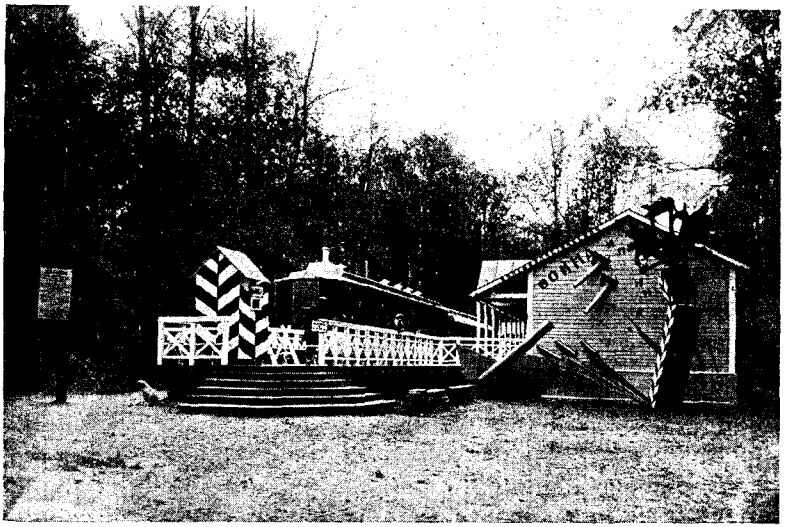
Иконами Алексея окружали не меньше, чем его сестер. Особенно почетное место занимали две иконы с молитвами Варнавы: одна, поднесенная Николаю в 1905 году [1], другая — Алексею с надписью: „Господи, спаси и сохрани царственного отрока". Кроме того по стенам спальни Алексея была развешана серия картинок, изображающих ангелов-хранителей. Это — заклинание против предостережений медицины, против законов природы. Неизлечимая болезнь наследника имела династическое значение, так как ставила вопрос о царской „смене", о переходе престола к другой линии семьи. С этим Романовы никак не могли примириться. Поэтому они цеплялись за самые

[1] См. приложение VII.

нереальные надежды; поэтому, по свидетельству воспитателя Алексея, его болезнь имела в глазах родителей „значение государственной тайны".

Но недостаточно было хранить „тайну", следовало подготовлять Алексея к исполнению императорских обязанностей. Малолетний наследник, бывший шефом 45 воинских частей, принимал делегации от гвардейских полков, от разнообразных учреждений его имени, от петергофского отдела Союза русского народа. В память об этих приемах во дворце остались не только альбомы петергофских конно-гренадер и алексеевского пехотного полка, набор детского вооружения — подарок сибирского казачества и ружье с надписью „На память от петергофских потешных", но и значок черносотенного союза, почетным членом которого по примеру отца был Алексей

14 мая 1906 года „перед отъездом к литургии государю императору имел счастье представляться прикомандированный к наследнику цесаревичу гвардейского экипажа унтер-офицер Деревенько". Этот матрос, оставшийся при Алексее в роли дядьки, зачастую помогал „государственному служению" наследника. Когда у Алексея от болезни отнимались ноги, Деревенько выносил его на руках как на дворцовые приемы, так и на воинские ученья и парады, любоваться которыми Алексея приучали с ранних лет. Дежурная комната Деревенько помещалась рядом со спальней Алексея.



Общий вид вагонов и помещения выставки

ВАГОНЫ

3 августа 1914 года Романовы покинули Петергоф навсегда, и Нижний дворец не был свидетелем крушения царизма. Большую часть последних двух лет (1915—16) Николай провел на фронте, а история царской ставки и царского поезда этого времени заканчивается отречением Николая. Отречение явилось не только эпилогом истории Романовых, оно положило формальный конец двухвековому периоду истории царской России.

Музею истории царизма, каковым является Петергоф сегоднешнего дня, был необходим заключительный отдел. Поэтому осенью 1929 г. Народный Комиссариат Путей Сообщения передал Петергофским Музеям два вагона бывш. царского поезда, в одном из которых произошло

отречение. По свидетельству современника, в годы войны — „императорский поезд был невелик. Он состоял в центре из вагона его величества, где находились спальня и кабинет государя; рядом с этим вагоном был, с одной стороны, наш свитский вагон из восьми отделений, а с другой — вагон-столовая, с отделением салона для приемов“ [1]. В двух из них, личных вагонах царя, сохранивших бытовую обстановку, и в специально построенном помещении Музей развернул выставку „Империалистическая война и падение царизма“ заключающую следующие отделы:

1) Причины мировой войны,

2) Россия в мировой войне,

3) Крушение царизма,

4) Последний рейс Николая Романова (Царское село, Тобольск, Екатеринбург).

Необходимость постройки этого поезда была продиктована известным событием 17 октября 1888 г., когда на 277 версте Курско-Харьковской-Азовской железной дороги царский поезд потерпел крушение. Почти весь состав, за исключением вагона в котором путешествовала царская семья, был разбит вдребезги. Это событие расценивалось как „чудо“ и по этому поводу были распространены специальные лубки, — иконы „чудесного спасения“, одна из которых была помещена в новом вагоне — кабинете, где находится и в настоящее время. В православный календарь 17 октября было включено, как праздничный „царский“ день. Но по свидетельству специалистов железнодорожников „спасло не чудо, а хорошее устройство вагона, свинцовое дно которого удер-

[1] Мордвинов „Последние дни императора“.

жало от сплющивания вагонные стенки". Постройка нового поезда из семи вагонов была закончена к 1896 г. Но уже первые „высочайшие" путешествия показали, что состав был недостаточен и к 1902 году поезд был сформирован заново из десяти вагонов (салон-столовая, спальня, детский, великокняжеский, свитский, служебный, кухня, мастерские, багажный, и вагон для прислуги).

Постройка поезда потребовала больших хлопот и затрат. Отдельные части его были заказаны заводам: Александровскому механическому, заводу Леснера в Петербурге, Круппа в Эссене, Сименс-Гальске, Эмбер во Франции, королевскому заводу в Будапеште и пр. Стоимость вагонов определялась свыше 500.000 рублей.

Вводный кабинет

1 августа 1914 года на рубежах европейских государств раздались первые выстрелы, положившие начало неслыханной в истории народов мировой бойне. В течение четырех слишком лет миллионы людей занимались истреблением друг друга. Весь мир за малыми исключениями принимал участие в этой войне. Итоги войны — больше 25 000 000 убитых, искалеченных, изуродованных людей. 9 000 000 трупов — это четверть всего населения Франции, это среднее государство вроде Румынии, в которой до войны было лишь $7^1/_2$ миллионов. По сравнению с этими жертвами — все предыдущие войны покажутся ничтожными. Так крымская война (1855—6 г.) стоила 600 тысяч жизней, а все вообще войны за прошлое столетие, в том числе и наполеоновские, в общей сложности — стоили $4^1/_2$ миллионов человек, т. е. вдвое меньше, чем последняя война за четыре года.

„Сейчас, оглядываясь назад, каждый из нас спрашивает себя, как мыслимо было это безумие. Но еще важнее и острее другой вопрос, не грозит ли нам его повторение в будущем?“ [1].

Надо помнить и надо знать, как и почему 1 августа 1914 года на рубеже своих стран стали друг против друга народы. Чья воля заставила их „в это безчестный день человеческой истории“ (Ленин) рыть окопы, стрелять и колоть друг друга.

Один из заветов Ленина говорит: „надо объяснять людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается... надо объяснять людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны и почему это не могло обстоять иначе“. [2].

Уже задолго до начала мировой войны весь мир был поделен между капиталистическими странами. Дальнейшее стремление к захвату новых земель вело к насильственному переделу, т. е. к войне. Новых земель не стало, а между тем жажда капиталистов к захватам росла. Выросли капиталы, слились в мощные объединения — тресты, выросли банки, собравшие себе огромные денежные средства и подчинившие своей воле промышленность. Возросшим капиталам негде развернуться, нет места приложить свои силы. Вот почему каждое капиталистическое государство стремится отгородиться от своего соседа, не пустить его на свой рынок, вырвать от него

---

[1] Манифест V-го Конгресса Коминтерна к десятилетию мировой войны.

[2] Ленин, изд. 3-ье, т. XX, стр 372.

какой-нибудь лакомый кусок из колониальных земель. Раздел земель между важнейшими государствами закончен, остается стремление к их переделу: в этом основная причина империалистических войн, а их цель — захватить землю другого государства и подчинить господству своего капитала другой народ.

Первый узел столкновения грабительских аппетитов двух мощных капиталистических держав Англии и Германии, это — передел африканских колоний. Второй узел войны, еще более опасный, завязался на ближнем Востоке, вокруг турецких владений в Малой Азии. В этом узле большую роль сыграли и грабительские интересы царской России. По внешности казалось, что между Германией Вильгельма II и Россией Николая II существует самая тесная дружба. Казалось, что Россия только вынуждена была вступиться в войну за обиженную Сербию. На самом деле все это вздор.

Царская, помещичье-буржуазная Россия была таким же империалистическим государством, как и любая европейская держава. Царская Россия давно уже хотела уничтожения и раздела Турции [1]. Через захват Армении она рассчитывала добраться до овладения Константинополем и Дарданеллами. Германские империалисты отлично понимали русскую политику и считали русско-германскую войну совершенно неизбежной, несмотря на дружеские и родственные отношения между Вильгельмом II и Николаем II. Через Турцию германский капитал рассчитывал пробиться в Персию, Египет и наконец в Индию, где безраздельно господствовал английский капитал. Таким образом в Турции резко сталкивались не только интересы России и Германии, но и интересы Германии и Англии.

Еще одна серьезная причина вела неизбежно к англо-германской войне: рост германского военного и торгового флота. Теряя на морях торговое и военное первенство, Англия могла потерять его и в колониальных владениях. На ряду со столкновениями империалистических интересов Англии и Германии становилось неизбежным столкновение между Германией и Францией. Франция хотела захватить богатые углем и рудой земли Германии, расположенные в пограничной полосе с Францией, а кстати вернуть себе Эльзас и Лотарингию, две провинции, утраченные ею в войне с Германией в 1870 г.

Приведенных причин достаточно чтобы понять основные корни, из которых выросла неизбежность войны. „Тайна, из которой война рождается", сводится в основном к грабительским аппетитам капиталистов всех стран. Вопрос о том, кто виноват больше и кто первый начал войну — второстепенный вопрос.

Начало войне было положено австрийским ультиматумом Сербии. Но союзники готовились к войне, не менее чем Германия. И если бы Германия не начала войны в 1914 г., то в следующем году ее начала бы Англия, Франция или Россия. В воспоминаниях царского министра Сухомлинова мы читаем: „Раздавить Германию было целью, которая определяла всю деятельность русской и французской армий, но момент решения этой военной задачи определяли не солдаты, а дипломаты". Еще летом 1913 г. французские капиталисты предложили русскому правительству заем на сумму 400 — 500 миллионов франков ежегодно, поставив при этом два условия: 1) что эти деньги пойдут на устройство дорог, необходимых для перевоза армии против Германии, и 2) что мирный состав русской армии будет увеличен и

в нужный для Франции момент Россия по требованию французского генерального штаба двинет русские войска против Германии, что позже и случилось [1].

По свидетельству б. военного министра ген. Редигера „никогда Россия не была так хорошо подготовлена к войне, как в 1914 году". А документы генерального штаба свидетельствуют о том, что пистолет в руки сербского патриота, убившего австрийского эрцгерцога, вложил никто иной, как тот же русский генеральный штаб.

> Новый подъем революционного движения был одной из причин ускоривших вступление России в империалистическую войну [1]. Правительство надеялось заглушить революцию патриотической суматохой и потопить ее в потоках крови. От результатов войны зависело существование царизма. Военное поражение монархии чрезвычайно усилило бы все те объективные условия, на почве которых назревала революция; наоборот, победа царской России и ее союзников могла на время укрепить царизм и отдалить срок его неминуемой гибели. По выражению Ленина: „кроме необыкновенного ускорения всемирной истории нужны были особо крутые повороты ее, чтобы на одном из таких поворотов телега залитой кровью и грязью романовской монархии могла опрокинуться с р а з у... Этим всесильным „режиссером", этим могучим ускорителем явилась всемирная империалистическая война" [2].

Поэтому становится понятной нерешительность Николая II, его колебания и заигрывания с Германией: прием

---

[1] См. выставку.

[2] Ленин, изд. 3-ье, т. XX, стр. 14.

летом 1914 г. в Петергофе Саксонского короля и истерическая телеграфная переписка с Вильгельмом накануне войны [1]. Но общность монархических традиций и родственные связи с Германией оказались бессильны. Победили не они, а аппетиты русских империалистов и финансовая зависимость царского правительства от буржуазной Франции. Другой петергофский визитер 1914 года — Пуанкаре — имел больший успех. Он требовал платежа за многомиллионные займы, полученные от французских банкиров. 17/30 июля „в 2 часа дня министр иностранных дел выехал с генерал-майором Татищевым в Петергоф, где оба были приняты вместе его величеством в Александрийском дворце. В течение почти целого часа министр доказывал, что война стала неизбежной... Наконец государь согласился, что при нынешних обстоятельствах было бы наиболее опасным не подготовиться во-время к повидимому неизбежной войне, и потому дал свое разрешение приступить сразу к общей мобилизации. С. Д. Сазонов испросил высочайшего соизволения немедленно передать об этом по телефону начальнику генерального штаба, и получив таковое, поспешил в нижний этаж дворца к телефону. Передав повеление ожидавшему с нетерпением генералу Янушкевичу, министр прибавил: — „Теперь вы можете сломать телефон“ [2].

„В двадцатый день июля, в лето от рождества христова тысяча девятьсот четырнадцатое, царствования же нашего в двадцатое“, — через десять дней после отъезда Пуанкаре, Николай в Петергофе подписал манифест

---

[1] См. выставку.

[2] Поденная запись б. министерства иностранных дел от 17/30 июля 1914 г.

о войне, и дворцовый телеграф простучал всему миру, что Россия „божией милостью" брошена в мировую бойню.

3 августа в дворцовом камер-фурьерском журнале лакей записал: „от 6-и часов вечера государь император принимал верховного главнокомандующего в. кн. Николая Николаевича, который представил на обозрение его величеству пулемет, отнятый от германских войск". Царская резиденция переходила „на военное положение". В тот же день со ст. Новый Петергоф уезжала в Барановичи на фронт русская ставка, „уезжала истинно по-русски с молебнами, крестами и иконами".

Отвечая на вопрос — „кто виновники войны?" — мы не можем ограничиться ссылкой на империалистические правительства. Список виновников будет неполным, если мы не включим в него II Интернационал. С его благословения взвился кровавый занавес войны, при его благосклонном участии гибли миллионы рабочих и крестьян. Социал-патриоты и шовинисты всех стран оказались союзниками империалистических аппетитов буржуазии. В каждой из воюющих стран они имели свои особенности. Немецкие оборонцы — „борются с русским самодержавием", французские — „защищают республику", английские — „освобождают Бельгию", а русские — не препятствуют генералам-вешателям вести войну „во имя освобождения западной демократии".

Единственной партией, которая осталась верна революционному рабочему знамени, — была партия большевиков. Группа большевиков — членов Государственной Думы, состоявшая из пяти рабочих депутатов, немедленно выступила против войны, отказавшись голосовать за военные кредиты. За революционную работу против вой-

ны и царского правительства они были арестованы и сосланы в Сибирь. В начале войны ЦК партии большевиков выпускает манифест о войне, написанный Лениным. В этом манифесте, вскрывая истинные цели войны, Ленин ставит вопрос о рабочей революции, о превращении войны империалистической в войну гражданскую. Говоря о царской России, манифест открыто заявляет о том, что большевики считают поражение царской России наименьшим злом. Манифест заканчивается призывом к трудящимся всех стран: на месте разрушенного II Интернационала создать новый рабочий Интернационал.

Вагон-столовая

„Англо-французские и русские капиталисты хотели „только" сместить или даже „попугать" Николая II, оставив неприкосновенной старую государственную машину, полицию, армию, чиновничество" [1].

Ленин

Война затягивалась. Было ясно, что царская Россия, как наиболее отсталая страна, хуже других слаженная в хозяйственном отношении, стонавшая под гнетом никуда негодного государственного аппарата, должна была первой выбыть из строя. Видно было, что война продлится не месяцы, а годы. Дурман военного задора стал постепенно рассеиваться. Казнокрадство, подкупы, измена и распутинщина

[1] Ленин, изд. 3-ье, т. XX, стр. 35.

в верхних слоях тыла обнаружили быстрый процес гниения заживо царизма. Каторжные условия труда, чрезвычайное вздорожание жизни при недостаточности заработной платы рабочих и разорение крестьянских масс, наряду с катастрофическими поражениями и отступлениями армии быстро доканали самодержавие. Уже летом 1915 г., на заводах Петрограда одна за другой вспыхивают забастовки.

Русская буржуазия выражала явное недовольство царским правительством, не сумевшим успешно вести войну. Патриоты-буржуа в надвигавшихся событиях предвидели для себя широкие перспективы. Война требовала исключительного напряжения государственных сил, на которые царское правительство с его бюрократическим аппаратом заведомо было неспособно, оно не могло обойтись без буржуазии, без ее помощи, в противном случае ему грозила катастрофа. Поэтому буржуазия имела все основания считать, что она играет наверняка. Лозунг ответственного министерства, т. е. перехода к „подлинной конституции", из робкого намека когда-то, разрастался требованием, готовым обратиться в ультиматум. Роились слухи, что ультиматум этот опередит инициатива правительства и „ответственное министерство" будет „даровано". Но Николай, вдохновляемый Александрой и Распутиным, категорически отказался от уступок [1].

Проявленная Николаем энергия настолько озлобила буржуазию, что был выдвинут проект немедленного его устранения. Предполагалось захватить Николая в поезде во время одной из поездок его на фронт и заставить отречься или покончить с ним, как когда-то во время

[1] См. выставку.

дворцовых переворотов в XVIII веке дворянство приканчивало царей. Нити назревшего заговора перекрещивались с нитями аналогичного заговора монархистов. „Патриоты-монархисты" были уверены, что устранением распутинства они сберегут династию. Таким образом Николай был обречен и с той и с другой стороны. Но в тот момент, когда ни буржуазия, ни монархисты не сомневались в своих успехах, произошло событие непредвиденное и нежданное ни буржуазией, ни монархией. Началась февральская революция.

Призрак революции, ставший реальностью, которой буржуазия боялась больше всего на свете, заставил Думу сделать отчаянные усилия спасти колеблющийся трон. „Положение серьезное" телеграфирует Родзянко царю. „В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Промедление смерти подобно". Это требование Думы было поддержано командующими фронтами. Так „ ... горстка помещиков и капиталистов, с Гучковыми и Милюковыми во главе, хочет обмануть волю или стремление громадного большинства, заключить *сделку с падающей монархией*, поддержать, спасти ее: назначьте Львова и Гучкова, ваше величество, и мы будем с монархией против народа" (Ленин). [1]

[1] Изд. 3-ье, т. XX, стр. 24.

Вагон-салон

„Отрекся, как командование эскадроном сдал".

Из воспоминаний современника — свидетеля отречения.

23 февраля 1917 года Николай прибыл из Царского села в Ставку. Как обычно в годы войны, царский поезд сопровождали: министр двора Фредерикс, дворцовый комендант Воейков, флаг-капитан Нилов, гофмаршал Долгорукий, лейб-хирург Федоров, генералы, офицеры конвоя, сводного полка и „собственного" жел.-дор. полка. Уже вечером 24 февраля в Ставке стало известно, что в Петрограде начались волнения. „В субботу (25-го) легли все поздно и заснули неспокойно. Его величество еще долго не ложился, занимаясь в своем кабинете. Безусловно вся свита и состоявшие при государе признавали в это время неотложным согласие государя на ответственное министерство и переход к парламентскому строю" (ген. Данилов[1]).

Состояние своеобразного полупаралича было характерно не только для Николая, но и для всего правительственного аппарата. Ночью 27 февраля в Ставке были получены известия о том, что в Петрограде „начался солдатский бунт и правительство бессильно водворить порядок" (Родзянко). 28 февраля Николай назначил экспедицию генерала Иванова, известного своей твердостью и преданностью монархии, „для водворения порядка в Петрограде". Иванов с георгиевским батальоном тронулся через Дно на Царское село — Петроград. Почти одновре-

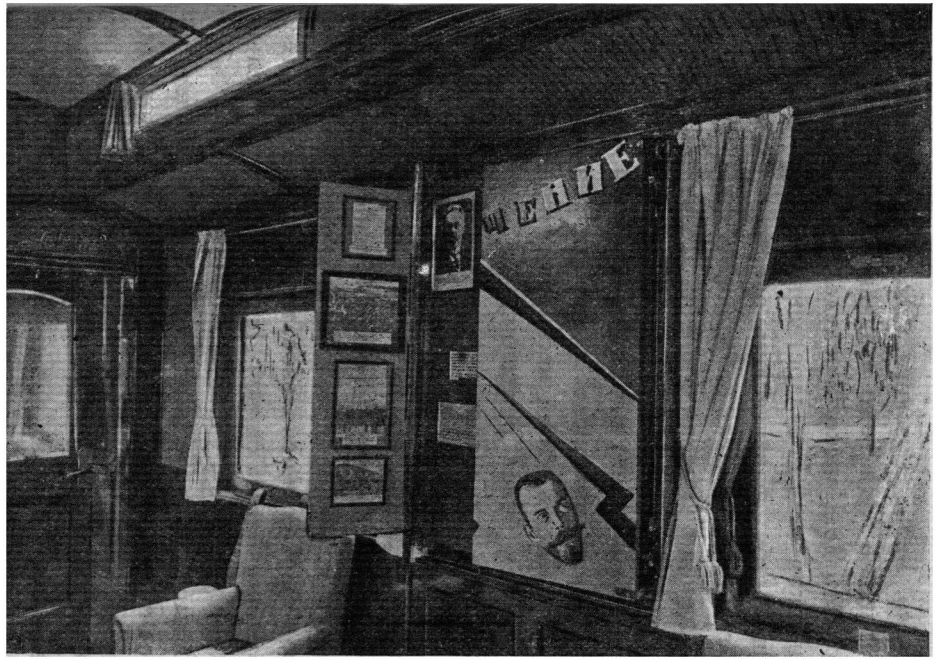
[1] См. выставку.

менно отправился царский поезд через Смоленск — Лихославль — Тосно на Царское село. Попытка прорваться на Царское или Гатчину Иванову не удалась из-за отказа жел. дорог пропустить его эшелон, а войска, прибывшие ночью 1 марта в Лугу в помощь Иванову, сами перешли на сторону революции. Все это было плохим предзнаменованием для царского поезда, шедшего полным ходом на Царское.

Узнав о неудачах Иванова, Николай посылает ему предписание остановить движение к столице. Даже Иванов советует царю итти на сближение с Думой, но Николай был верен себе и согласился на это только тогда, когда в порядке дня уже стал вопрос об отречении.

27 февраля было днем окончательного присоединения войск петроградского гарнизона к восставшим рабочим. Понимая, что это грозит гибелью династии, депутаты Государственной Думы собрались утром и заслушав указ о роспуске Думы постановили не разъезжаться, а образовать временный комитет Думы. В тот же день в помещении Таврического дворца состоялось первое открытое заседание Совета Рабочих Депутатов, избравшее Временный Исполнительный Комитет.

Тем временем царский поезд беспомощно мотался между Ставкой и Царским селом. В эти решающие дни Николай не находил опоры и в Ставке, где все говорили о необходимости отречения, и только придворные усиленно настаивали на том, чтобы остановиться в Пскове, стать во главе „верных войск" северного фронта и ими подавить „крамолу". После некоторых колебаний Николай принял этот совет. Но в Пскове Рузский, командовавший северным фронтом, высказался за отречение „как единственный способ спасения". 1 марта Николай запи-



Вагон-салон

сал у себя в дневнике: „ночью повернули с М. Вишеры назад, так как и Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где и остановились. Видел Рузского. Он, Данилов и Савич обедали. Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор, доехать до Царского не удалось". В это время в Екатерининском зале Государственной Думы Милюков, чувствовавший себя фактическим руководителем будущего правительства, излагал собравшемуся митингу платформу соглашения с Советом Рабочих Депутатов, считая повидимому аудиторию „своей", думской, в противовес исполкомской в соседней зале. На заданный вопрос, — каков будет строй, он смело и уверенно заявил, что „Николай отрекается в пользу несовершеннолетнего сына Алексея. Михаил будет регентом". Однако Милюков просчитался, „его" аудитория решительно запротестовала.

Таким образом основная задача руководящего ядра будущего буржуазного правительства заключалась в том, чтобы путем отречения Николая II спасти монархию и использовать ее в своих целях [1]. 2 марта выехали за спиной Исполкома с этой целью в Псков депутаты Гучков и Шульгин.

„Около 10 часов, — подробно рассказывает об отречении Шульгин, — мы приехали в Псков, где предполагали первоначально переговорить с генералом Рузским, который был извещен о нашем приезде. Но как только поезд остановился, в вагон вошел один из адъютантов государя и сказал нам: „его величество вас ждет". Мы вошли в салон-вагон

[1] См. выставку.

ярко освещенный, крытый чем-то светлозеленым. В вагоне был Фредерикс (министр двора) и еще какой-то генерал [2], фамилию которого я не знаю; через несколько мгновений вошел царь. Он был в форме одного из кавказских полков. Лицо его не выражало ничего больше, чем когда приходилось видеть в другое время... Затем сел и просил всех сесть, указав место А. И. Гучкову рядом с собой около маленького столика, а мне напротив А. И. Гучкова; Фредерикс сел немного поодаль, а в углу вагона за столиком сел генерал, фамилию которого я не знал, приготовляясь записывать. Кажется в это время вошел Рузский и, извинившись перед государем, поздоровался с нами и занял место рядом со мной, значит против царя".

Уговаривать Николая „депутатам" не пришлось, поскольку подписанное отречение лежало у него в кармане, но повидимому речи этих двух думских посланцев все же оказали на него определенное, хотя и совершенно неожиданное для них, действие. Он заявил, что отрекается не только за себя, но и за сына, и передает „царственное наследство" Михаилу, мотивируя это решение невозможностью расстаться с сыном.

Фактической разницы между отречением в пользу сына или брата не было, не только для Николая, но даже для Алексея, так как манифест об отречении был составлен так, что давал юридические основания для реставрации, если бы обстановка в дальнейшем сложилась благоприятно для контр-революю-

[2] Данилов.

ции. „Я не точно помню", пишет Шульгин, „когда царь встал и ушел в соседний вагон... приблизительно около четверти двенадцатого царь вновь вошел в наш вагон, — в руках он держал листочки небольшого формата и сказал: „вот акт отречения, прочтите".

„После часу ночи депутатский поезд отбыл в Петроград. Небольшая кучка народа смотрела на этот отъезд. Дело было сделано. Императора Николая II уже не было" (ген. Дубенский).

В ту же ночь и бывший царь уехал из Пскова. В силу невозможности проехать в Царское село, Николай направился в Ставку, как наиболее безопасное для него место. Продолжая свой дневник, он записал 3 марта: „Спал долго и крепко. Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре". На станции Орша в царский поезд вошел директор дипломатической канцелярии Ставки Базили, которого Алексеев послал навстречу Николаю, „чтобы ввести его в курс создавшегося положения". „Через несколько минут" — рассказывает Базили, — „подали обед. — Это был мрачный обед... ни ели, ни пили". Вечером 3 марта поезд прибыл в Могилев. Дальнейшие события в дневнике излагаются так: „в 9½ перебрался в дом, Алексеев пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест оканчивается четыреххвосткой для выборов через шесть месяцев учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость. В Петрограде беспорядки прекратились; лишь бы так продолжалось далее". Со слов Алексеева, ген. Деникин рассказывает в своих воспоминаниях, что Николай собственноручно

написал Родзянко телеграмму, в которой снова выражал согласие на вступление на престол своего сына. Передавая ее Алексееву, он сказал: „я передумал, прошу вас послать эту телеграмму в Петроград". Алексеев, взяв телеграмму, не отправил ее, а спрятал в бумажник и в конце мая, оставляя верховное командование, передал ее Деникину, у которого она и хранилась в секретном пакете.

В ставку Николай вернулся уже частным лицом, так как одновременно с отречением он передал верховное командование Николаю Николаевичу. Побеседовав там с приехавшей из Киева матерью, „поиграв с нею в безик", и попрощавшись с войсками охраны, он снова стал собираться в Царское село.

Тем временем 3 марта в Исполнительном Комитете Петроградского Совета обсуждался вопрос „об аресте Николая и прочих членов династии Романовых". Было решено: „довести до сведения рабочих депутатов, что Исполнительный Комитет постановил арестовать династию Романовых и предложить Временному правительству произвести арест совместно с Советом Рабочих Депутатов. С случае же отказа запросить, как отнесется Временное правительство, если Исполнительный Комитет сам произведет арест". Около этого же времени Алексеев просил у Временного правительства: свободного проезда Николая из Могилева в Царское село, а по выздоровлении его детей, в Порт Романов на Мурманском берегу для следования оттуда в Англию. Временное правительство дало согласие на эту просьбу, для удобства же выезда в Англию оно даже предложило Романовых поселить в Петергофском Коттедже... Но этой авантюры не допустил Совет Рабочих и Солдатских депутатов.

Лишь 7 марта под давлением Совета Временное правительство постановило: „признать отреченных императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское село." Давая распоряжение об аресте, Временное правительство не отказалось от обещания отпустить б. царя с его семьей заграницу. Это видно из того, что в тот же день Керенский в заседании московского Совета заявил: „Царь с семьей будет отправлен заграницу в Англию. Я сам отвезу его до Мурманска".

В среду 8 марта к Могилевскому вокзалу подошел экстренный поезд с комиссарами для ареста Николая. Через ген. Алексеева Николаю было сообщено, что „он должен считать себя арестованным и лишенным свободы" и в 4 часа 50 м. поезд вышел из Могилева. В письменном докладе комиссаров сказано: „при отъезде не было ни приветственных, ни враждебных возгласов". Царский поезд двинулся в свой последний рейс.

„Скоро и благополучно прибыл в Царское село, — пишет Николай, — „но, боже, какая разница. На улице и кругом дворца, внутри парка — часовые, а внутри подъезда какие-то прапорщики"...

Заключение

„Президиум ВЦИК постановил одобрить"

Сообщение о расстреле Романовых на заседании Президиума ВЦИК 18 июля 1918 г.

Царскосельское заключение Николая мало успокоило широкие рабочие и солдатские массы. Вынужденное санк-

ционировать постановление Исполкома об усилении охраны Николая и обеспечении революции от возможных попыток реставрации династии, — Временное правительство Гучковых и Милюковых, „правительство войны, правительство реставрации“ (Ленин), — старалось чтобы о царской фамилии „забыли“. Но наступали новые события. Июльское выступление большевиков поставило правительство перед возможностью нового переворота. И озабоченное сохранением царской семьи, оно решило вывезти Романовых из Царского села в более укромное место. 1 августа Николай и его семья были отправлены под охраной гвардейского отряда особого назначения в Тобольск. Поезд был уже не царский, а обыкновенный. Но состав охраны был подобран самим Керенским с таким расчетом, чтобы „арестованным“ был обеспечен самый предупредительный и почтительный уход. Царской семье было разрешено взять с собой: трех камердинеров; восемь лакеев, трех поваров, парикмахера, гардеробщика и др.; всего 35 человек прислуги.

В Тобольске царскую семью поместили в б. губернаторском доме. Во весь период Временного правительства вплоть до последних дней керенщины, царская семья не тревожилась за свое будущее. Больше того, получая от различных монархических организаций сведения, что ими подготовляется освобождение царской семьи,—Николай имел все основания верить в скорую помощь. Даже когда на смену бывшей гвардейской охране в Тобольск прибыл из Омска отряд красногвардейцев, — Романовы продолжали, по свидетельству бывшего с ними Жильяра (воспитателя их сына) „сохранять надежду, что среди верных им людей найдется несколько человек, которые попытаются их освободить“.

Последней „резиденцией“ Романовых был Екатеринбург, контр-революцией и интервенцией превращенный из глубокого тыла во фронт. Гражданская война на Урале разрасталась. В затеянной Колчаком монархической игре Романовым было отведено видное место. Сам Николай, по словам Жильяра, „выражал сожаление о своем отречении... Эта мысль стала преследовать его все сильней и сильней“. Деятельность контр-революционных организаций оживилась. Екатеринбург все теснее сжимался в кольце колчаковских войск, ближайшей целью которых был захват Николая. Контр-революционная роль и теснейшая связь с белогвардейцами и интервентами тех Романовых, которым удалось бежать заграницу, показала, что если бы Николай попал к белым, то он оказался бы в самом центре активнейших врагов Советской России. Поэтому Уральский Совет на одном из заседаний постановил „расстрелять Николая Романова и его семью“.

В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. приговор был приведен в исполнение. Это было грозным предостережением белогвардейщине и всяческим претендентам на „российский престол“.

1932 год. „На горизонте тревожно. Капиталистический мир снова щерит зубы; вновь ставит империалистический штык в порядок дня“.

Надо помнить, что война надвигается все более ускоренным темпом. Первой схваткой, авангардной стычкой ее был конфликт на К.-В. ж. д. Тогда не последнее место среди наших врагов занимала белогвардейщина, эти

осколки разбитого вдребезги, осколки России Николая II. — Не последнее место займет она и в завтрешних боях.

Задача рабочих и всех трудящихся СССР быть на страже. Укреплять всеми силами оборону Советской страны. Укреплять Красную армию.

Социализм должен быть хорошо защищен.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Биографическая справка о Томишко

Архитектор Томишко, Антоний Осипович, 1851 — 1900 гг. Родом чех, приехал в Петербург и принят в Академию Художеств в 1870 году Еще в Академии „пенсионер его величества". С 1875 по 1879 г. в заграничной командировке (Вена, Венеция, Рим, Париж). В письме 1876 г. сообщает академическому начальству, что „Вена изобилует эстетическими произведениями и ежегодно украшается новыми зданиями... и поэтому годится лучше других [мест] как центр моей поездки".

В 1879 году получил звание академика, через два года сделан профессором, а к концу жизни был ректором высшего художественного училища при Академии. В 1881 году принят на службу в Главное Тюремное Управление и почти одновременно стал числиться по министерству двора. За постройку дворца награжден в 1896 году званием архитектора „высочайшего двора".

(Архив Академии Художеств, дело № 156, 1870 года).

II

Из инструкции дежурным в Александрии офицерам сводного пехотного полка

„**§ 10.** Агентам тайной полиции, занимающим посты близ ворот Нового дворца и Знаменских, отдано приказание, чтобы они при заступлении на посты являлись дежурному офицеру у Нового дворца и Знаменских ворот и докладывали, в каком они приблизительно месте будут находиться, дабы в случае надобности дежурный офицер мог за ними послать.

§ 11. Приносимые разными лицами от неизвестных или мало известных лиц письма, адресованные на имя их императорских величеств, должны быть дежурными офицерами осмотрены и ощупаны, но не вскрыты.

§ 18. Гг. дежурным у Нового дворца офицерам все приносимые на имя их императорских величеств вещи и пакеты из магазинов — препровождать с присмотрщиком и лицом принесшим вещи в кладовую,

куда для приема вещей присмотрщику вызывать камердинера или то лицо, которому камердинер поручил принять вещи.

Если камердинер пожелает позвать к себе лицо, принесшее вещи или пришедшее за заказом, то означенное лицо препровождается при присмотрщике в гардероб, вещи же во всяком случае должны быть даны камердинеру или лицу им уполномоченному в кладовой".

(Архив дворцового коменданта, 1914 г.).

III

Докладная записка заведующего дворцовой охранной агентурой

„Заведывающий охранной агентурой, подведомственной дворцовому коменданту.

24 июня 1907 г.
Петергоф.

В. нужное.
Его превосходительству господину дворцовому коменданту.

Ходатайствую пред вашим превосходительством о том, дабы при проезде их императорских величеств на освящение Уланской церкви моторы свернули бы с Красносельского шоссе к месту церкви не у Владимировки, а проехав ее версты две, в пункте, отмеченном на карте зеленым крестом. От зеленого креста идет прямая, кратчайшая удобная для моторов дорога к мызе; деревни Кауккузи и Кттузи, через которые она пролегает, заняты уланами; охрана удобна Путь же к мызе от Владимировки чрез Николово (Дмитриево) крайне неудобен и завтра особенно потому, что в Дмитриеве также освящение церкви, народу скопилось порядочно и народ ждет, что царь и туда приедет. У зеленого креста на повороте будет стоять ротмистр Шепель.

Подполковник *Спиридович.*

(Архив дворцового коменданта).

„Исполнено 24 VI".

IV

Из писем ст. сов. Скуйе министру двора

„Новая жертва анархистов король итальянский Гумберт убит. проклятыми злодеями. Они наносят свои удары метко через известные

сроки времени. Но король Гумберт не был бы убит, если бы он под верхним платьем носил панцырь, а на голове каску". Напуганный этим происшествием Скуйе предлагает средства для спасения, гуманнейшего из всех монархов, идеал которого счастье людей, мир на земле".

„Меры охраны недостаточны", а поэтому „ради самого господа бога заклинаю вас, умоляю вас почтительнейше: постарайтесь повлиять на его величество, чтобы всемилостивейшему государю нашему благоугодно было носить панцырь и каску. Именем всей России прошу на коленях его величество беречь себя на благо и спасение дорогого отечества..." А „если панцырь носить тяжело, то пусть по крайней мере металлическая дощечка под мундиром защитит сердце нашего обожаемого монарха".

(Архив дворцового коменданта, 1900 г.).

V

Письмо б. императрицы Александры Федоровны к б. в. кн. Милице Николаевне [1902 г.?]

„Вот приказание, написанное Н[ики] на бумаге, которую вы читали.

„Желаю, чтобы вы приняли серьезные меры к прекращению сношений Р[ачковского] с франц. полициею раз навсегда. Уверен, что вы исполните приказание мое быстро и точно".

Может быть, вы сообщите Лал[анд],[1] что мы всем сердцем надеемся, что они наконец будут оставлены в покое. — Дай бог, чтобы это было так.

Надеюсь, что вы чувствуете себя хорошо. Мы отправляемся в Кронштадт завтра в 9 часов. Если позволите, появимся у вас завтра же вечером.

Оба нежно целуем вас,
Ваша А.

О, Саров!.[2]

(Архив „Знаменки").

---

[1] Лаланд — дочь и зять Филиппа.

[2] Оригинал письма по-английски, кроме резолюции Николая II, приведенной по-русски и обращенной, вероятно, к министру внутренних дел Плеве. Бумага, о которой здесь идет речь, очевидно, докладная записка Рачковского с характеристикой Филиппа.

VI

Записка рукой б. в. кн. Милицы Николаевны, найденная среди писем Филиппа и его дочери [1902 г.?]

„Осложнения сентября. Государь должен иметь для этого людей, тогда нечего бояться.

Витте делает усилия, чтобы поселить беспокойство; будут рассеяны; план хорошо составлен и должен тщательно проводиться и до конца и до рождения.

Указанный министр был пауком, хорошо устроившимся в своем гнезде, и которого со всех сторон окружало столько паутин, что никто не мог ни подойти, ни проникнуть в его жилище. М-сье Ф. не знает никого, кто был бы способен узнать все его тайны и которым можно было бы заменить его.

Антихрист (общая идея — многосложные личности). В случае будущей войны в Европе солдаты короля Италии будут на самом деле противниками Антихриста.

. . . . . .

Наложили руку на Англию и Австрию. Германский император старается сделать все возможное против Р[оссии]; о недавних разговорах с итальянским королем (король Италии не дал полного согласия); сильные влияния, чтоб остался верным другом Р[оссии]. Вильгельм борется против этого, старается соединиться с Англией (суда), старается закрыть выход р[усского] флота к Средиземному морю. В случае войны с Германией — подход к фортам объявлен очень опасным (мины); каждый крестьянин, который через своих имеет более или менее близкое соприкосновение с правительством, снабжен секретными инструкциями на время войны установить преграды, останавливающие войска, мешающие отступлению; остается только позаботиться о Ревеле: посещение; осторожность.

Свидание в Ревеле будет под наблюдением; важно вопреки самой чарующей видимости оставаться на стороже и очень; льстивые беседы, но мало правдивые.

. . . . . .

Относительно Англии — ей угрожает война, и если, как это обещают, ее оставят одну, ее колонии восстанут, тем более что англичане совершат такие насилия над бурами, что их ненависть еще возрастет

Все будет забыто через два года или даже раньше.

Рачковский. Небо определенно требует отставки; если бы дело шло только о М-сье Ф. или даже о е. и. в. кн., — М-сье Ф этого бы не сказал, предоставил бы действовать, но он не хочет объяснить причин, так как не его роль быть обвинителем. Если поискать можно найти, и тем легче, что бывшие друзья заговорят после отставки.

Необходимость" [1].

(Архив „Знаменки").

VII

Посвящение Варнавы на иконе, поднесенной Николаю II

„Преподобный отче Сергие, умоли ты творца мира да дарует победу и одоление царю печальнику на нарушителей мира.

Июня 26 1905 года.

От грешного архимандрита Варнавы".

[Петергофский Нижний дв.-муз., инв. № 2431].

---

[1] Оригинал по-французски. Упоминаемый в тексте м-сье Ф. — Филипп.

Контрольные вопросы

1. Зачем Советская власть сохраняет некоторые царские дворцы?

2. Чем объясняется буржуазная обстановка жизни последних Романовых?

3. Когда и почему Николай II особенно долго оставался в Петергофе?

4. Чем объясняется сложность и многочисленность охраны Николая II?

5. В чем смысл празднеств, устроенных для семеновцев и финляндцев в Петергофе в 1906 году?

6. Чем объясняется особенная религиозность последних Романовых и какова была роль „божьих людей"?

7. Каково значение революции 1905 года для самодержавия, буржуазии и пролетариата?

8. Каковы были причины и сущность войны 1914 – 1918 гг.?

9. В чем заключались интересы русских империалистов в мировой войне?

10. Какую позицию занимала буржуазия в деле отречения Николая II?

После экскурсии рекомендуется

Литература

1. Ленин „О революции 1905 года".
2. Ленин „Об империалистической войне".
3. Покровский „Русская история с древнейших времен" т. III.
4. Семенников „Политика Романовых накануне революции".
5. „Переписка Н. и А. Романовых" т. III с предисловием Покровского.
6. „Письма Николая II к матери" (1905 — 06 гг.) журнал „Красный Архив" № 22 за 1927 год.
7. Витте „Воспоминания" тт. I и II.
8. Родзянко „Крушение империи".
9. Григорович „Зарницы" (очерки револ. движения на территории Петергофа в 1905 — 07 гг.).
10. Наумов „Война 1914 — 1918 гг."
11. „Отречение Николая II" (воспоминания очевидцев).
12. Быков „Последние дни Романовых".

Кинофильмы

смонтированные из документальных хроник:

„Падение династии Романовых" } режиссер
„Россия Николая II и Лев Толстой" } Шуб

„Империалистическая война", режиссер Якушкин.
„Их царство", режиссер Гогоберидзе.

Музеи

В Петергофе: выставка „Царские долги и СССР" в Большом дворце-музее.

В Детском Селе: Александровский дворец-музей.

В Ленинграде: отделы Музея Революции „1905 год" и „От империалистической войны к Октябрю".

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стран.

Нижняя дача 6
Охрана Николая II 12
Вестибюль 22
Розовая гостиная 23
Кабинет Николая II 26
Столовая 37
Кабинет Александры Романовой 42
Спальня 47
Детские комнаты 59
Вагоны 65
Вводный кабинет 67
Вагон-столовая 75
Вагон-салон 77
Заключение 85
Приложения 88

Редактор Е. Р. Малкина. Техред. Ф. Ф. Нотгафт. Изогиз № 2881/л. 3 п. л. 43200 зн. на 1 п. л. 1½ б. л. 72 × 110 ¹/₃₂. Тираж 10 000. Сд. в наб. 7/IV. 1932 г. Подп. к печ. 31/VII 1932 г. Ленинградский Областлит № 50233. 21 тип. ОГИЗ им. Ив. Федорова. Звенигородская, 11. Заказ № 171.